

Глава IV

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ И США

После распада Советского Союза еще долгое время — практически до конца 1994 года — российская внешнеполитическая элита (за исключением представителей консервативной оппозиции) сохраняла надежду на то, что Россия станет полноправным членом международной системы безопасности, построенной на основах доверия, на тех позитивных результатах совместных усилий СССР и США в конце 1980-х годов, которые были достигнуты в значительной степени, благодаря последовательной политике Советского Союза.

В 1992 году, давая обобщающую характеристику позиций российских либералов по вопросам безопасности, ряд специалистов в области российско-американских отношений высказывали следующее мнение:

1. Фактор идеологического противостояния Западу утратил всякий смысл. Необходимо пересмотреть парадигмы российской политики безопасности и военной политики.

2. Становится анахронизмом положение о том, что военный паритет между Москвой и Вашингтоном — это равное количество вооружений. В основе нового паритета — не количественное равенство, а возможность вооруженных сил решать поставленные перед ними политические задачи. Необходимым условием поддержания стратегической стабильности между Россией и США является способность каждой из сторон нанести агрессору гарантированный неприемлемый ущерб в ответных действиях.

3. Необходимо проводить паритетное глубокое сокращение ядерного оружия.

4. Продвигаясь в направлении разоружения, Москва будет встречена на полпути Вашингтоном¹.

¹ См. по этому вопросу: Шаклеина Т.А., Батюк В.И. Россия и Америка: Российская внешнеполитическая мысль о российско-американских отношениях. — М., 1992. — С. 6-17; Москвин В.И. Безопасность Содружества в конце XX века //Мировая экономика и международные отношения. — 1992. —

Однако у руководства США были иные планы. Еще до распада Советского Союза в недрах республиканской администрации занимались разработкой стратегии безопасности на период после холодной войны, окончание которой ассоциировалось с падением Берлинской стены и объединением Германии, принятием Хартии для новой Европы, последовавшим роспуском Организации Варшавского договора в феврале 1991 года. Возможность распада СССР не исключалась, но до самого конца американская администрация учитывала «советский фактор», однако совсем не так, как это ожидалось в Москве.

Как отмечал в мемуарах советник по национальной безопасности президента Дж. Буша-старшего Б. Скаукрофт, в Европе происходили процессы, которые в прошлом могли начаться только по велению победителя в большой войне. США не могли позволить повториться Версальскому договору, который после Первой мировой войны оставил Европу разделенной и неудовлетворенной, американские планы состояли в том, чтобы построить иной порядок в Европе с сохранением руководящей роли США. Для американского руководства не было альтернативы НАТО, как основной движущей силе в становлении нового европейского порядка — новой системы обеспечения безопасности, так как она была единственной возможностью сохранить американское присутствие в Европе. Согласие или одобрение Советского Союза не исключалось и было желательным, однако было ясно, что США не собирались присоединяться к модели всеобъемлющей безопасности, предлагавшейся Советским Союзом¹.

Становилось все более очевидным, что после распада СССР потребность в тесном сотрудничестве с Российской Федерацией в области безопасности стала неактуальной. Г. Киссинджер объяснял это тем, что в третий раз на протяжении XX столетия Америка возвысилась над всей мировой ареной и провозгласила намерение выстроить новый мировой порядок, применив свои собст-

№ 2. — С. 23-38; Рогов С.М., Суриков А.В. Перспективы радикальных сокращений стратегических наступательных вооружений России и США //США — экономика, политика, идеология. — 1992. — № 5. — С. 3-12; Фролов А.В. Взгляды и концепции региональной безопасности в СССР и России. — М., 1994; Цымбурский В.Л. Военная доктрина СССР и России: осмысление понятий «угрозы» и «победы» во второй половине XX века. — М., 1994.

¹ Bush G. and Scowcroft B. *A World Transformed*. — N.Y., 1998. — P. 230-231.

венные ценности. Политолог высказал мысль о том, что победа в холодной войне сделала еще более затруднительным воплощение вильсоновской (и советской) мечты о всеобщей коллективной безопасности. По вполне очевидной причине, считал Г. Киссинджер, Европа была неспособна сплотиться вокруг новой атлантической политики, а Америка не могла отказаться от политики трех поколений в час победы. Основная задача виделась в том, чтобы приспособить два основополагающих института, формирующих атлантические отношения – НАТО и Европейский Союз – к реалиям мира по окончании холодной войны¹.

Главной ошибкой тех российских политиков и внешнеполитических экспертов, которые продолжали придерживаться планов совместных с США действий по созданию новой системы безопасности, было игнорирование двух важных факторов: нежелание сверхдержавы делегировать кому бы то ни было, тем более России, хотя бы и незначительную часть уникальной возможности регулирования мировых процессов; нежелание большинства европейских стран допустить Россию в создание нового европейского порядка. Дж. Буш в начале 1990-х годов не располагал временем как для формулирования новой глобальной стратегии, так и для откровенной демонстрации неприятия российской модели.

В отношениях с Российской Федерацией усилия США были направлены на решение конкретных задач: дальнейшее сокращение вооружений, недопущение распространения ядерного оружия на территории постсоветских государств, предотвращение каких-либо конфликтов на постсоветском пространстве после распада СССР. Как отмечал Дж. Буш в мемуарах, главным для США после распада СССР было уменьшение (фрагментация) угрозы, исходившей от постсоветского пространства. Усилия США в этом направлении увенчались успехом: в мае 1992 года Российская Федерация, Казахстан, Украина, Беларусь и США подписали Протокол к Договору между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Лиссабонский протокол), по которому все ядерное оружие должно было быть сосредоточено на территории России (передано России тремя ядерными республиками бывшего СССР). В июне 1992 года был подписан Заключительный документ Чрезвычайной конфе-

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. – С. 747-748.

ренции государств – участников Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Был подготовлен Договор СНВ-2, который был подписан в январе 1993 года¹.

Пределльно ясной позиция США стала к началу 1994 года, когда был поднят вопрос о расширении НАТО на восток за счет стран ЦВЕ. Становилась все более очевидной наивность надежд на продолжение российско-американского диалога на основе договоренностей периода конца холодной войны. Диалог с США становился все более затруднительным для России. Как впоследствии говорили американские политики и внешнеполитические эксперты (а также российские), в ходе переговоров по объединению Германии в июне – сентябре 1990 года Советский Союз, а точнее его лидер М.С. Горбачев, получил устные заверения в том, что НАТО не будет расширяться на восток. В частности, об этом заявляли госсекретарь США Дж. Бейкер и министр иностранных дел Западной Германии Г.-Д. Геншер. Однако, М. С. Горбачев не настоял на подписании соответствующего документа, что в то время выглядело вполне реальной возможностью, как отмечали многие американские эксперты².

До этого, в июле 1990 года, на сессии Совета НАТО на уровне глав государств и правительств в Лондоне было принято обращение к странам – членам Организации Варшавского договора – Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии и СССР – начать регулярные встречи на дипломатическом уровне. На сессии Совета НАТО в июне 1991 года в Копенгагене было заявлено, что Североатлантический блок не будет добиваться никаких односторонних преимуществ в результате изменения ситуации в Европе. Дж. Бейкер заявил о планах НАТО «построить партнерство с государствами ЦВЕ и СССР». Для этой цели в декабре 1991 года был образован Совет североатлантического сотрудничества – ССАС (North Atlantic Cooperation Council – НАСС)), в основе создания которого была реализация идеи евроатлантического сообщества, о чем объявили госсекретарь США Дж. Бейкер и министр иностранных дел Германии Г.-Д. Геншер. Членство в ССАС было открыто для членов НАТО, государств ЦВЕ, включая страны

¹ Тексты договоров см.: Внешняя политика и безопасность современной России. Хрестоматия. – Т. 2. – М., 1999. – С. 95-102, 123-131.

² Goldgeier J. Not Whether but When. The U.S. Decision to Enlarge NATO. – Wash., D.C., 1999. – P. 15.

Балтии, и Советского Союза (после распада СССР это право было распространено на бывшие союзные республики).

Уже в конце правления администрации Буша-старшего были сделаны отдельные заявления о возможности расширения НАТО за счет стран ЦВЕ, в качестве возможных кандидатов были названы Польша, Чехословакия и Венгрия – об этом говорил министр обороны Р. Чейни в ноябре 1992 года и госсекретарь Л. Иглбергер в декабре 1992 года¹. Расширение альянса стало важнейшим приоритетом политики демократической администрации, пришедшей к власти в 1993 году. В России проблема НАТО вызвала активизацию внешнеполитических дискуссий, заставила по-новому оценить все происшедшее с СССР и Россией, по-иному взглянуть на перспективы двусторонних отношений.

Раздел 7. Подходы США к проблемам безопасности

Американское обоснование роли НАТО в системе международной безопасности в новом веке

Администрация Клинтона начала претворять в жизнь план расширения НАТО, который поначалу казался трудноосуществимыми. Значительная часть представителей политико-академического сообщества принимая идею в принципе, выступала за его постепенную реализацию в долгосрочной перспективе. Даже военные считали такой вариант более приемлемым. В их позиции сказывался скепсис относительно включения идеи расширения демократии в число приоритетов деятельности Североатлантического альянса, остававшегося в первую очередь военным блоком. Их также волновала позиция России и ее реакция на расширение, они придавали большое значение успеху реализации программы «Партнерство во имя мира».

Примечательной в этом отношении была статья авторитетного специалиста по военным проблемам Э. Коэна. В ней он высказал соображения относительно политики национальной безопасности США в условиях после распада СССР, которые сводились к следующему: 1) НАТО остается самым продолжительным по

¹ Goldgeier J. Op. cit. – P. 17-18.

времени деятельности и самым важным для США блоком, однако важность альянса будет снижаться, если Россия не превратится в новую большую угрозу для Европы; 2) Европа должна стать более самостоятельной в проведении внешней и военной политики; 3) использование ООН должно быть прагматичным и только тогда, когда ее поддержка необходима действиям США; 4) США все чаще придется действовать в качестве члена коалиции, и для этого более всего подходит модель создания временных коалиций тогда и там, где возникает угроза или необходимость в действиях с привлечением, как членов НАТО, так и других заинтересованных стран (как это было во время операции «Буря в пустыне»)¹. Выражаясь в духе традиционного республиканского консерватизма, Э. Коэн заявлял, что Соединенным Штатам как мировому гегемону нужно прежде всего заботиться о своей обороне, об укреплении могущества во всех сферах, они не должны обременять себя обязательствами по всем существовавшим договорам и в соответствии с членством в международных организациях (прежде всего, ООН), а должны действовать независимо от них.

Соображения, высказанные Э. Коэном, за исключением его позиции по НАТО, были учтены демократической администрацией Б. Клинтона. Об этом свидетельствовало, в частности, то, что одной из основных миссий вооруженных сил США было объявлено поддержание мирового порядка, наказание тех стран, чьи действия ведут к нестабильности и конфликтам. Было заявлено, что после распада СССР в мире не осталось военной державы, способной удержать США от решительных действий по регулированию мирового порядка.

В дискуссии, начатой ими еще в конце 1980-х годов, продолжили свое участие Ч. Кегли и Г. Реймонд. Они не отказались от своей мысли о многополярной структуре мира после окончания биполярной эпохи и усматривали основу стабильности нового порядка «в системе коллективной безопасности, в основе которой сохранится концерт ведущих мировых держав». В рамках коллективной системы безопасности, по их мнению, должно сохраняться лидерство группы ведущих мировых держав, которые возьмут на себя обязательства действовать в установленных сис-

¹ Cohen E. What to Do About National Defense // Commentary. — Vol. 98. — № 5 (November 1994). — P. 21-32.

темой рамках, а малые и средние страны-участницы будут иметь право голоса в тех случаях, когда проблема (конфликт) затрагивает их интересы или когда у них имеется большой опыт решения конкретных проблем¹.

Прочность и жизненность такой системы коллективной безопасности, по мысли политологов, должна была обеспечиваться следующими факторами: 1) признание и понимание существующих общих угроз как военных (со стороны агрессора), так и невоенных (экология, преступность и т. п.), которые не могут быть отражены, нейтрализованы, разрешены в одностороннем порядке. Причем это условие должны соблюдать и великие державы и быть готовы сдерживать свои односторонние действия или устремления к единоличному управлению/лидерству; 2) включение в систему коллективной безопасности «побежденных» или «слабеющих» держав, к которым необходимо относиться как к равноправным и уважаемым членам коалиции. В первую очередь Ч. Кегли и Г. Реймонд имели в виду Россию, участие которой они рассматривали в качестве важнейшего условия успешного существования и деятельности любой структуры безопасности, так как «обиженная и неудовлетворенная» великая держава, по их мнению, способна своим противодействием подорвать существующий статус-кво; 3) приблизительный военный баланс между участниками структуры коллективной безопасности; 4) чувство общего долга и уважение к статусу, правам и национальному достоинству стран-участниц, так как «оскорбленное чувство» может привести к развитию или возрождению имперских устремлений; 5) гибкость структуры.

Рассматривая три организации — ООН, НАТО, ОБСЕ в качестве возможной основы новой системы коллективной безопасности, Ч. Кегли и Г. Реймонд отвергли ООН, так как, по их мнению, она находится в сильной зависимости от США и без США полностью утрачивает свою идентичность в качестве независимой международной организации. ОБСЕ также не виделась ими как подходящая организация в обозримой перспективе (необходимая трансформация, по их мнению, должна включить присоединение к организации Японии и Китая и ряда других государств, чтобы сделать ОБСЕ действительно общемировой структурой, измене-

¹ The Global Agenda. Issues and Perspectives. Eds. Ch. Kegley, Jr. and E. Wittkopf. — N.Y., 1995. — P. 159.

ние практики принятия решений с переходом к «мнению большинства», а не всех участников совещания).

НАТО выглядела наиболее подходящей организацией, но для превращения ее в международную структуру безопасности они считали необходимым коренным образом изменить стратегию организации, увеличить географические границы ее деятельности и расширить членство, поскольку без участия Китая, Японии и России НАТО не могла считаться структурой, основанной на концерте ведущих стран мира. По мнению Ч. Кегли и Г. Реймонда, ассоциированное членство России и других постсоветских и восточноевропейских государств недостаточно — только их полноправное членство способно решить проблему создания действительно работающей системы международной безопасности и предотвратить новый раздел мира.

Авторы высказали оригинальную мысль о том, что базой будущей структуры коллективной безопасности могли бы стать региональные структуры, созданные для решения проблем конкретных стран и регионов с участием отдельных (или группы) великих держав, которые все будут тесно взаимодействовать в единой структуре. Например, в Евразии безопасность могла бы поддерживаться совместными действиями НАТО и ОБСЕ на западном фланге, Конференцией по безопасности и сотрудничеству в АТР на восточном фланге, при членстве всех великих держав континента в основных структурах безопасности, встречи которых должны регулярно проводиться под эгидой ООН¹.

И хотя политологи признали амбициозность и малую вероятность осуществления такого варианта системы коллективной безопасности, они были правы в том, что поддержание международной безопасности возможно при одном важном условии — если великие державы, и особенно США, захотели бы возложить на себя столь трудную задачу и были бы готовы сосуществовать в рамках такой структуры, при том, что США не будут демонстрировать глобальных амбиций.

Позиции традиционных консерваторов и мнения либеральных ученых, выступавших за более осторожные шаги к созданию новой системы международной безопасности, к расширению НАТО не оказали влияния на политику американского руково-

¹ The Global Agenda. — P. 162-165.

дства. Как признавал бывший министр обороны Г. Браун, считавший необходимым быстро осуществить расширение альянса, число противников форсирования этого процесса существенно перевешивало, но верх одержали немногочисленные сторонники быстрых действий. Основным аргументом в пользу активной политики был следующий: прием в НАТО стран ЦВЕ станет необходимой мерой, чтобы не допустить возможную агрессивную политику России в будущем, если она захочет восстановить свое влияние в этом регионе и постарается силой присоединить Украину и страны Балтии к новому «союзу» — аналогу СССР¹.

В администрации Клинтона среди сторонников расширения НАТО, помимо президента, были госсекретарь У. Кристофер, посол по особым поручениям для новых независимых государств С. Тэлботт, постоянный представитель США в ООН (до конца 1996 года) М. Олбрайт, помощник президента по национальной безопасности Э. Лейк и др. Последний был идейным вдохновителем всей кампании, его называли страстным моралистом, настоящим последователем В. Вильсона, готовым «спасать любого ребенка» и заниматься разрешением любого конфликта в мире.

В поддержку идеи расширения альянса выступали бывший госсекретарь Г. Киссинджер, бывший помощник президента Картера по национальной безопасности З. Бжезинский, бывший госсекретарь Дж. Бейкер, известный сенатор-республиканец Р. Лугар. З. Бжезинский был самым влиятельным в группе сторонников расширения НАТО. Он много писал и часто встречался с представителями администрации для обсуждения своих предложений. Именно он выступил с идеей подписания между НАТО и Россией специального документа и заявил, что отказ России пойти на это будет равноценен отказу Советского Союза присоединиться к «плану Маршалла», в результате чего СССР оказался в изоляции в годы холодной войны².

В этом же направлении работала специальная межведомственная рабочая группа, созданная для выработки стратегии и концептуального обеспечения деятельности администрации по расширению НАТО. В нее вошли сотрудники Пентагона, госде-

¹ Brown H. Transatlantic Security //The Washington Quarterly. — Vol. 18. — № 4 (Autumn 1995). — P. 82-83.

² Brzezinski Zb. Normandy Evasion //The Washington Post. — 1994, May 3.

партамента и СНБ, а также политологи Ч. Купчан и А. Вершбоу (впоследствии посол США в НАТО в 1999 – 2000 гг., а с 2001 года – посол США в Российской Федерации).

Особо следует отметить роль экспертов из «РЭНД корпорейшн» Р. Асмуса, Ф. Ларраби и Р. Кюглера. В 1993 году они опубликовали статью, в которой обосновали необходимость расширения альянса, выделив следующие моменты, по их мнению, оправдывавшие такой шаг: националистические тенденции в Восточной Европе неизбежно приведут к соперничеству между отдельными странами и росту нестабильности, возрождению российско-американского противостояния, что будет иметь негативное воздействие на Западную Европу; деятельность Совета по сотрудничеству Североатлантического альянса недостаточна, необходима трансформация альянса из организации по коллективной обороне в организацию, которая будет заниматься проблемами расширения демократии, стабильности и урегулирования конфликтов в более широких стратегических масштабах. В отношении взаимодействия с Россией они призвали подписать с ней отдельную хартию. Авторы выделили четыре основные цели деятельности НАТО: 1) обеспечить вовлеченность США в дела Европы; 2) не позволить Германии самостоятельно действовать в урегулировании нестабильности в Восточной Европе; 3) обеспечить стабильность в Центральной Европе; 4) использовать отношения с Россией и Украиной для объединения Европы. Их главным выводом был следующий: «НАТО должна расширить сферу деятельности, иначе она окажется не у дел»¹.

Официальная позиция администрации была озвучена Э. Лейком. В выступлении в Школе перспективных международных исследований Университета Джонса Гопкинса (г. Вашингтон) 21 сентября 1993 года он прямо заявил, что «если НАТО не расширит свою деятельность, она потеряет общественную поддержку, а все вовлеченные нации потеряют союз, жизненно важный для трансатлантической и европейской безопасности»². Затем президент Клинтон, хотя и не так откровенно, как Э. Лейк, под-

¹ Asmus R., Kugler R., and Larrabee F. Building a New NATO // Foreign Affairs. – Vol. 72. – № 5 (September/October 1993). – P. 28-40.

² Lake A. From Containment to Enlargement // Vital Speeches of the Day. – Vol. 60 (October 15, 1993). – P. 14-16; См. также: Brinkley D. Democratic Enlargement: The Clinton Doctrine // Foreign Policy. – Vol. 107 (Spring 1997). – P. 111-127.

твердил планы США в обращении к Генеральной ассамблее ООН 27 сентября 1993 года, заявив о стремлении США «расширить и усилить мировое сообщество демократических стран с рыночной экономикой», круг государств, живущих под защитой свободных институтов»¹.

10 января 1994 года Б. Клинтон, выступая на саммите НАТО в Брюсселе, заявил, что «если демократия на востоке потерпит поражение, насилие и нестабильность с востока могут быть опасны для Америки и других демократических государств». Он официально объявил о программе «Партнерство во имя мира», которая должна была способствовать формированию новых отношений в области безопасности между Североатлантическим союзом и его партнерами во имя мира. На пресс-конференции он подтвердил, что Польша, Чехия, Венгрия и Словакия могут стать первыми кандидатами для приема в НАТО, а также что ПВМ открывает для бывших членов ОВД и других европейских стран, не входящих в Североатлантический альянс, возможность военного сотрудничества с НАТО².

По признанию представителей американской академической элиты, многие из которых были и остаются противниками расширения НАТО, два человека в руководстве администрации были абсолютно убеждены в необходимости форсирования вопроса о расширении НАТО. Ими были помощник госсекретаря по европейским делам Р. Холбрук и помощник президента по национальной безопасности Э. Лейк. В период с января по сентябрь 1994 года им удалось трансформировать концепцию в официальную политику. При этом американские политики считали, что Россия с пониманием отнесется к расширению НАТО, так как в 1993 году Б.Н. Ельцин заявил в Варшаве, что Россия не будет возражать против вступления Польши в НАТО. В январе 1994 года во время визита Б. Клинтона в Москву американский президент затронул вопрос о возможном расширении НАТО и приеме Польши. Но это вызвало негативную реакцию у российского лидера, не поддерживавшего идею поэтапного приема отдельных стран в альянс, хотя в принципе Б.Н. Ельцин не отрицал возможности

¹ Clinton W. Reforming the UN // Vital Speeches of the Day. — Vol. 60 (October 15, 1993). — P. 10.

² Цит. по: Goldgeier J. Op. cit. — P. 54-55.

большей интеграции в будущем. «Партнерство во имя мира» воспринималось как наилучший вариант сотрудничества НАТО со странами ЦВЕ и Россией.

22 июня 1994 года после некоторых колебаний Россия подписала Рамочный документ и Приглашение в ПВМ (до этого министр иностранных дел А.В. Козырев заявлял, что Россия не присоединится к ПВМ, и у американской стороны не было уверенности в том, что Россия примет план Вашингтона). Будучи личным свидетелем событий, могу утверждать, что многие американские политологи очень сомневались в том, что подписание документов состоится. Эти сомнения были вызваны тем, что согласие России на учреждение ПВМ и членство в нем фактически означали, что Россия поддержала идею расширения состава участников НАТО. В декларации сессии Совета НАТО о программе «Партнерство во имя мира» прямо говорилось о дальнейшем преобразовании политических и военных структур альянса и об эволюционности процесса расширения за счет новых государств.

Понимая щекотливость момента, западные лидеры постарались «задобрить» Россию: в протоколе от 22 июня 1994 года при подписании ею Рамочного документа было отмечено, что Россия — крупнейшая европейская и мировая ядерная держава. Генеральный секретарь НАТО В. Класс заявил: «Мы должны признать вес России в европейской безопасности и ее законные интересы. Нам нужны отношения сотрудничества с Россией, которая идет по пути демократизации и экономических реформ, уважения прав человека, нужны открытые отношения, которые способны противостоять временным противоречиям»¹.

В июле 1994 года, после присоединения к ПВМ Российской Федерации, во время визита в Польшу президент Клинтон подтвердил решимость США продолжать политику, направленную на расширение НАТО, с тем чтобы до конца века в нее вошли новые члены. Ни у кого не было сомнения в том, что этими странами будут Польша, Венгрия и Чехия. В сентябре 1994 года Б. Клинтон сказал в беседе с Б.Н. Ельциным, находившимся с визитом в США, что НАТО открыта для всех новых европейских демократий, включая Россию. В декабре 1994 года в Будапеште на саммите ОБСЕ президент Ельцин выступил резко против расши-

¹ Цит. по: Goldgeier J. Op. cit. — P. 54-55.

рения НАТО на восток, положив конец благожелательному диалогу между элитами двух стран.

8 октября 1996 года госсекретарь У. Кристофер изложил основные положения политики США в сфере безопасности, объявив, что формирование атлантического сообщества будет осуществляться на основе НАТО и ЕС — структур, созданных в годы холодной войны, однако масштабы этого формирования выйдут за старые рамки и дадут Америке более глубокое партнерство с более широкой, более интегрированной Европой. ООН подверглась резкой критике за неэффективность в разрешении проблем международной безопасности, прежде всего урегулирования конфликтов. Открыто заявлялось и о том, что присутствие в Совете Безопасности ООН России и Китая нежелательно для США, так как лишает их возможности проводить необходимые решения, затрудняет проведение необходимой политики. Аналогичной критике были подвергнуты ОБСЕ и ее деятельность

В новой программе, представленной У. Кристофером, отношения России с НАТО — базовой военной структурой будущего атлантического сообщества, предлагалось оформить специальным документом, который должен был создать прочные двусторонние механизмы для консультаций и совместных действий. Отмечалось, что, хотя Россия еще длительное время будет испытывать политические и экономические трудности, она остается крупнейшей державой мира, ядерной державой, а также страной, которая стремится к преобразованию общества и к сотрудничеству с другими государствами. России давали понять, что в долгосрочной перспективе она имеет шанс стать членом нового атлантического сообщества. Трудно сказать, действительно ли У. Кристофер верил в то, что говорил, так как проблематичность членства России в НАТО в обозримой перспективе подчеркивалась многими политиками и военными и гражданскими экспертами. Хотя теоретически такая возможность и признавалась, не скрывалось желание отодвинуть ее прием на весьма длительный срок или вообще отказаться от него, так как это могло бы убить саму суть альянса.

Принятие решения по НАТО сопровождалось интенсивными дискуссиями в политико-академическом сообществе. Большое внимание было уделено обсуждению концепции евроатлантической безопасности. Значительная часть военных и гражданских экспертов считала целесообразным отодвинуть на более дальний

срок прием стран ЦВЕ в НАТО, но необходимость сохранения альянса в качестве основы европейской, а значит и международной, безопасности сомнению не подвергалась. Главным считался не факт расширения НАТО на восток, а сохранение альянса в качестве эффективно действующего и жизнеспособного института, при лидерстве США в блоке, в Европе, в мире.

Создание евро-американского союза, рассматривалось в качестве единственной возможности для США сохранить лидирующее положение в мире. Действия США должны были предотвратить неблагоприятное для них развитие событий в Европе и в Евразии. Так, редактор влиятельного консервативного журнала «Нью рипаблик» М. Линд считал, что самый большой потенциал заложен в Большой Европе, объединяющей высокотехнологичные страны Западной Европы и посткоммунистические восточноевропейские государства с высококвалифицированной рабочей силой. Вызывала опасение возможность того, что страны Большой Европы под руководством Германии начнут оказывать технологическую помощь странам Ближнего Востока или Южной Азии, или получит развитие тенденция к формированию евроазиатского союза, который соединит самые крупные мировые рынки с колоссальной мощностью. Это, по его словам, стало бы «кошмаром для США»¹. М. Линд видел только один возможный выход для США – объединение с Канадой и Европейским Союзом. В результате создания евро-американского блока был бы создан самый крупный в мире рынок, экономический союз либеральных капиталистических стран, который мог бы диктовать правила мирового экономического развития, и одновременно мощнейший военный союз, способный осуществлять полицейские меры на периферии – в Центральной Америке, Северной Африке, на Ближнем Востоке. Самым важным результатом такого объединения, по мнению М. Линда, была бы его способность одержать победу в новой холодной войне с Китаем и Японией или с Россией, в случае ее возрождения в качестве мировой державы.

Таким образом, идея создания евроатлантического, или трансатлантического, союза, готового, в случае необходимости, противостоять сильной державе, претендующей на гегемонию,

¹ Lind M. Pax Atlantica. The Case for Euramerica // World Policy Journal. – Vol. XIII. – № 1 (Spring 1996). – P. 3-7.

или блоку государств, была представлена как единственная возможность сохранения единства Западного мира и могущества США, сдерживания и противостояния возможному паназиатскому или евразийскому союзу.

Большинство участников дискуссии были согласны с тем, что для выполнения стоящих перед США задач не следует изобретать новую структуру, которая вряд ли будет лучше НАТО; разделяли они и ту точку зрения, что существующие международные структуры – такие как ОБСЕ, ООН, ВТО, МВФ, МБРР, Группа семи, ЕС и ЗЕС вряд ли годны для решения проблем международной безопасности. Однако отмечалось, что и НАТО для превращения в организацию нового века, требовалась реорганизация. Для этого предлагалось:

1. Продолжить политику по стабилизации Европы для предотвращения возможного возрождения агрессивной России, что включает расширение НАТО на восток и проведение миротворческих акций по урегулированию конфликтов в Европе на коалиционной основе.

2. Начать модернизацию Североатлантического альянса с определения новых целей блока, которые требовалось привести в соответствие с национальными интересами и существующими угрозами международной безопасности по обе стороны Атлантики.

3. Пересмотреть распределение обязательств Соединенных Штатов и других стран – членов НАТО в решении блоком проблем безопасности. Это означало, что США должны были взять на себя обязательства полномасштабного участия, в том числе с использованием вооруженных сил, в решении проблем безопасности и строительстве новой европейской системы безопасности, а союзники должны были разделять с США все затраты и риск для устранения угроз за пределами Европы – по урегулированию проблем на Ближнем Востоке, по нераспространению ОМУ, включая силовые превентивные акции в любом регионе мира, где возникнет такая угроза. При этом европейские страны – члены блока должны играть доминирующую роль при проведении акций, направленных на укрепление безопасности и стабильности в Европе, а США – за пределами Европы, а также выступать основным сдерживающим барьером в случае возрождения российского экспансионизма.

4. Довести оборонную мощь ЗЕС до уровня США, с тем чтобы его участники могли выступать равными партнерами в рамках НАТО, действовать как коллективный европейский голос в НАТО при осуществлении действий в Европе и за ее пределами.

5. Сохранить свободу принятия решений и действий Североатлантического альянса от ООН и ОБСЕ, от которых в прошлом требовалось получение мандата на осуществление операций на территориях, находящихся за пределами сферы деятельности НАТО. Возможно, что в отдельных случаях «крыша» этих международных организаций будет желательной, однако НАТО не может зависеть от их решения в каждом конкретном случае проведения военных акций. Свобода от ООН и ОБСЕ необходима еще и потому, что в этих организациях Россия имеет право вето.

6. Оформить отношения между Россией и НАТО, начать переговоры относительно создания трех консультативных механизмов: еженедельные сессии между представителями России и Совета НАТО; регулярные встречи представителей России с членами Комитета военного планирования и Группы ядерного планирования, министров обороны; обмен информацией по всем вопросам безопасности. Предполагалось, что НАТО должна недвусмысленно заявить России о том, что она никогда не будет членом альянса, так как это европейский союз. По мнению ряда экспертов, четкая позиция позволит оставить этот вопрос за рамками двусторонних отношений и продолжить их развитие в духе конструктивизма и сотрудничества, если не как союзников, то как друзей и равных партнеров¹.

Таким образом, ясно заявлялось, что Россия не могла рассчитывать на какое-либо влияние в НАТО или право голоса, поэтому все предлагавшиеся меры по контактам с Россией, которые впоследствии нашли отражение в основополагающем акте о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора, были направлены в основном на то, чтобы сохранить «прозрачность» в двусторонних отношениях, подразумевавшую получение информации о стратегии России в области безопасности в регионе от Атлантики до Урала, включая СНГ; о российских

¹ Asmus R., Blackwill R., and Larrabee F. Can NATO Survive? – P. 80-89; Abshire D. U.S. Global Policy: Toward an Agile Strategy. – P. 47, 55.

обычных вооружениях, их структуре, планировании, размещении и исследованиях в этой области; о состоянии и изменении в ядерном арсенале России. Как показали последовавшие в 1999 году события в Косово, аналогичная «прозрачность» в отношении США и НАТО не соблюдалась.

Особое внимание было уделено политическому аспекту расширения блока. Дж. Айкенберри, много писавший о целесообразности расширения НАТО, считал, что как военная организация Североатлантический альянс не смог бы избежать упадка и ослабления влияния. Он усматривал главный источник его жизнеспособности в росте его политического влияния в объединении демократий и укреплении политического сообщества либеральных демократических стран. Политолог заявил, что Соединенные Штаты имеют полное право возглавить процесс по созданию нового мирового порядка с опорой на ведущую международную структуру – НАТО, так как благодаря усилиям США был положен конец холодной войне¹.

Смещение акцента в пользу политического аспекта деятельности НАТО было вызвано не только изменением международной ситуации в связи с прекращением военного противостояния между Востоком и Западом в годы холодной войны. Выдвижение на первый план политических задач в будущей деятельности Североатлантического альянса рассматривалось как необходимое условие реализации планов по интеграции восточноевропейских и, возможно, позднее, постсоветских государств в западное сообщество. Расширение НАТО на восток оценивалось как необходимый шаг по глобализации либерального демократического порядка.

Таким образом, расширение НАТО характеризовалось не только и не столько как расширение военного блока и угроза России и другим государствам, которые не войдут в него, а как действия по расширению границ либерального демократического порядка, построенного и поддерживаемого в течение 40 лет Соединенными Штатами. Авторы политической концепции будущей НАТО заявляли, что поскольку организация была создана в основном американскими усилиями, США вправе возглавить процесс по ее укреплению, опираясь на нее как на ведущую меж-

¹ Ikenberry G. The Myth of Post-Cold War Chaos //Foreign Affairs. – Vol. 75. – № 3 (May/June 1996). – P. 79-91.

дународную структуру. Важным аргументом, использованным американскими внешнеполитическими экспертами при обосновании важности укрепления и расширения альянса, было то, что НАТО — единственная эффективно действующая международная организация по сравнению с ООН, ЕС/ЗЕС и др.

Одна из наиболее обстоятельных концепций, обосновавшей необходимость создания атлантического сообщества (евроамериканского) на базе НАТО и ЕС, была представлена Ч. Купчаном¹. Политолог высказал убеждение в том, что создание новой структуры безопасности только на базе европейских структур или только на базе НАТО невозможно. Давая оценку интеграционным процессам в Европе, он отметил, что более глубокая интеграция в Европе была бы обоснованной только в случае сохранения Советского Союза. По мнению Ч. Купчана, планы в отношении валютного союза, общей внешней политики и политики в области безопасности и централизованного управления Европой — это наследие холодной войны. Он отметил, что перспективы углубления интеграции в Европе весьма ограничены — в экономической области из-за узких масштабов торговых интересов ЕС, что не позволит ему конкурировать в регионах Северной Америки и АТР, а в политической области — из-за отсутствия общей угрозы, подобной той, которая существовала в лице Советского Союза. Политолог упрекал членов ЕС в том, что для вступления в Союз выдвигаются слишком жесткие условия, не упоминая, что прием в НАТО предполагает практически полное подчинение интересам США со стороны ее новых членов, прежде всего из числа стран Центральной и Восточной Европы. Попытки дальнейшей федерализации Европы, согласно его точке зрения, могли бы нанести ущерб более важной задаче — интеграции восточно-европейских государств в сообщество западных демократий, а отсрочка включения новых демократий в европейский рынок и институты ради осуществления иллюзорной мечты о федерализме, привела бы к утрате исторической возможности расширить зону демократии и мира в Европе. Согласно его концепции, ЕС должен был отказаться от дальнейшей федерализации и сосредоточить усилия на расширении единого рынка на восток, в Центральную Европу, и на Запад — в сторону Северной Америки. НАТО, став

¹ Kupchan Ch. Reviving the West. — P. 96-102.

гарантом безопасности атлантического сообщества, должна была осуществлять акции по поддержанию мира и миротворчеству, шире использовать и превентивную дипломатию.

Ч. Купчан не считал обязательным увеличение состава НАТО. Он высказал убеждение в том, что ее расширение подтолкнет Россию к созданию противостоящей коалиции и может быть воссоздана линия, разделявшая Восточную и Западную Европу в годы холодной войны. Политолог считал расширение оправданным только в случае возникновения серьезной внешней угрозы безопасности государствам ЦВЕ. Он не видел в России силы, способной в обозримом будущем такую угрозу создать, поэтому предлагал воздержаться от принятия новых членов в альянс. Ч. Купчан предлагал держать двери атлантического сообщества открытыми для России и других постсоветских государств, не исключать возможности их принятия в структуры сообщества в будущем в том случае, если в них будут успешно развиваться демократические процессы. В долгосрочной перспективе атлантическое сообщество должно было, по мысли автора, превратиться во всеобъемлющий союз, который, в случае принятия постсоветских государств и России, замкнет Европу и Атлантику через евразийское пространство.

Модель атлантического сообщества, предложенная Ч. Купчаном, имела определенный резонанс в американском академическом сообществе, но не была принята администрацией Клинтона и западноевропейскими странами, не пожелавшими отказаться от расширения НАТО и продолжения интеграционных процессов в ЕС.

Одновременно с этой концепцией обсуждалась концепция «кооперационной безопасности»¹, авторы которой заявили о ее принципиальном отличии от модели коллективной безопасности времен биполярного противостояния. Они отметили, что развитие мирового сообщества после окончания холодной войны показало неэффективность старой системы, в основе которой были преимущественно невоенные методы и мандат ООН, в то время как решение проблем распространения ядерного оружия, урегулирования конфликтов, подобных югославскому, не могло быть осуществлено только несилowymi методами и только на базе

¹ Posen B. and Ross A. Competing Visions for U.S. Grand Strategy. — P. 23-32.

ООН, продемонстрировавшей слабость и неспособность отвечать на вызовы новой эпохи.

Полемизируя с представителями школы реализма, авторы концепции «кооперационной безопасности» отвергали идею о том, что главным в сфере безопасности по-прежнему остается поддержание баланса между ведущими мировыми державами, к которым помимо США причисляются Россия, Китай, Япония и страны ЕС. Акцент был сделан на том, что большинство развитых государств, или демократические по своему характеру, или находятся на пути к демократии, отношения между ними характеризуются определенной стабильностью. После окончания холодной войны основные угрозы, по их мнению, будут исходить из регионов или стран, не входящих в эту группу. Особое значение приобретают локальные конфликты, которые в век высоких информационных и военных технологий могут перерасти в крупномасштабный региональный или международный конфликт и тем самым представить угрозу интересам США и/или его союзников. Сторонники концепции «кооперационной безопасности» особый акцент сделали на мир, как состояние без войны или конфликта, подчеркивая, что это общая неделимая категория и поэтому глобальный мир — важнейший национальный приоритет США.

Для достижения наибольшего эффекта в решении проблем безопасности авторы концепции предложили соединить идеи разных подходов: 1) разумного изоляционизма — участвовать в разрешении только тех конфликтов, которые представляют жизненно важный интерес или неприемлемую угрозу для США; 2) гегемонии — сочетать независимость и единоличное принятие решений с коллективизмом; 3) реализма — отрицая, что баланс сил между ведущими мировыми державами является краеугольным камнем системы международной безопасности, вместе с тем не отказываться от взаимодействия с ними, считаться с их интересами в разрешении кризисных ситуаций. Кооперационная безопасность призвана была использовать элементы указанных трех подходов в разном сочетании и в разной степени при решении каждой конкретной проблемы. Для обеспечения международной стабильности не отрицалась желательность взаимодействия международных организаций (ООН, ОБСЕ), региональных организаций, прежде всего НАТО, отдельных государств, объединенных стратегической взаимозависимостью и действующих на основе «координации коллек-

тивных действий» для достижения поставленных целей, в том числе для ведения быстрых войн с минимальными потерями.

Модель кооперационной безопасности допускает использование силовых методов, в том числе военной силы, для урегулирования международных проблем и конфликтов, для поддержания стабильности в ключевых для США и их союзников регионах. Не исключается проведение военных операций для предотвращения попыток той или иной страны получить доступ к ядерному оружию или технологиям в нарушение Договора о нераспространении ядерного оружия. Объявляются допустимыми и необходимыми военные операции в гуманитарных целях в ходе межгосударственных конфликтов и в ходе внутригосударственных конфликтов (гражданская война), как это произошло в бывшей Югославии. Признается возможным участие США одновременно в нескольких военных операциях по обеспечению безопасности, при том, что они имеют определенную свободу в выборе союзников для проведения коллективных операций, оставляют за собой право не обращаться за одобрением акции к ООН, не консультироваться со всеми ведущими мировыми державами.

В качестве обоснования правомерности таких действий выдвигается тезис о том, что процессы глобализации нивелируют феномен национального государства/национального суверенитета. Вызовы глобального века выходят за рамки национальных государств и требуют вмешательства международного сообщества во внутригосударственные процессы и события, когда возникает угроза стабильности региона, соседним странам, когда происходит нарушение прав человека и национальных меньшинств, когда существует угроза распространения ОМУ и т.д.¹

¹ Как отмечали отдельные участники ежегодной конференции Ассоциации международных исследований «Международные отношения и новое неравенство: сила, богатство и трансформация глобального общества в начале XXI века», проходившей в США в феврале 2001 года, складывается впечатление, что рассуждения о глобализации служат прикрытием устремлений США к мировому господству, к контролю над ресурсами в мире, к обеспечению преимущества в торговле и экономике. При этом не учитываются особенности развития отдельных стран, находящихся на разных стадиях становления и развития национального государства (к которым принадлежит и Россия), и регионов, где существуют специфические проблемы, решить которые США не могут.

Администрация Клинтона использовала концепцию кооперационной безопасности при осуществлении своей политики: США оставили за собой право на единоличное принятие решений и проведение силовых акций, выбор союзников и партнеров; на определение параметров взаимодействия с международными организациями (ООН, ОБСЕ), с отдельными государствами — членами НАТО и региональными державами; на определение характера, интенсивности, масштабов проводимой акции.

Критики американоцентричной модели безопасности, противники расширения НАТО за счет стран ЦВЕ, превращения блока в основную организацию по обеспечению международной безопасности заявляли, что в своих действиях Запад допускает ошибку. Они предлагали по-иному посмотреть на перспективы мирового развития, принять во внимание такие факторы, как недолговечность американского уникального положения и лидерства, неизбежный подъем до уровня сверхдержавы КНР, восстановление могущества России, несовместимость цены за расширение НАТО и получаемых выгод — как военных, так и экономических. Отмечалось, что расширение альянса может привести к отчуждению России, росту недоверия и враждебности в двусторонних отношениях, к формированию российско-китайского военного альянса, что будет способствовать нежелательному для США усилению позиций Китая в мире. Для нейтрализации негативных тенденций, либеральные критики предложили вместо расширения НАТО за счет восточноевропейских стран принять в альянс Россию, что ускорит ее превращение в демократического, мирного и дружественного члена международной системы (так считали, например, М. Мэнделбаум, Дж. Гэддис, Ч. Мэйнс, А. Стент, Б. Пэрротт, Э. Качинс и др.).

Дж. Гэддис, подвергший критике тезис о победе США и поражении России в холодной войне, не считал расширение Североатлантического альянса разумным и необходимым шагом. Он обратил внимание на следующие возможные негативные последствия такой политики:

— в долгосрочной перспективе расширение НАТО может создать для США новые проблемы в сфере безопасности. В настоящее время отсутствуют угрозы, для отражения которых была создана НАТО, но преднамеренное нагнетание страхов по поводу возникновения новых угроз может действительно привести к такой ситуации;

– расширение НАТО и претензии на глобальное лидерство могут прийти в несоответствие с возможностями США (отсутствие четких границ лидерства), особенно если не будет решена проблема России и начнет расти оппозиция в отдельных регионах мира, страны которых не войдут в новую структуру безопасности;

– решение о расширении НАТО было продиктовано не трезвым расчетом, а эмоциями – «избирательным сентиментализмом». История показывает, что эмоционально принятые решения приводят к драматическим событиям. Аргумент в пользу принятия Польши, Венгрии и Чехии чисто эмоциональный – принять страны, которых США и Запад «бросили» сначала в 1938 году, а затем в 1945 году. Такое утверждение неправомерно, так как США не участвовали в Мюнхенском соглашении (равно как и Советский Союз), а в 1945 году СССР был победителем и вопрос о судьбе стран Восточной Европы определялся как новым статусом Советского Союза, так и ограничениями, которые имел «план Маршалла». Кроме того, если объяснять необходимость расширения альянса только с позиции вины перед восточноевропейскими странами, то тем более следует принять и все остальные страны ЦВЕ, включая Россию;

– очень часто можно слышать, что было бы разумно не расширять НАТО, но поскольку заявление сделано, США не могут отказаться от своих обещаний. Глобальная политика не должна руководствоваться ни эмоциями, ни ложным стыдом. Необходимо признать ошибочность принятого решения. Ошибки неизбежны и всегда остаются пути их исправления¹.

Ч. Мэйнс определил политику США в мире и в сфере безопасности в середине 1990-х годов следующим образом: «... новый консерватизм почти полностью подточил ранний интернационализм, который характеризовал послевоенную внешнюю политику США... происходил процесс трансформации роли Америки и международного лидера в международного босса. Разница между ними огромная: Америка-лидер – это могущественная страна, за которой следуют другие страны, так как она действует во имя общего блага. За Америкой-боссом страны следуют только потому, что у них нет другого выбора. Последними примерами действий Америки-босса является расширение НАТО, односторонние

¹ Gaddis J. History, Grand Strategy and NATO Enlargement. – P. 146-151.

санкции против Кубы и Ирана, проведение кампании по смещению генерального секретаря ООН Бутроса Бутроса-Гали»¹.

Политолог высказал мнение, согласно которому США не должны навязывать всему миру систему на основе НАТО, делать ее глобальным жандармом, лишать региональные державы возможности регулирования ситуации в регионах, используя коллективные силы всех заинтересованных сторон. Действия администрации критиковались им и за то, что вследствие создания системы безопасности, американоцентричной и натоцентричной, за ее пределами оставались крупнейшие державы мира – Россия, Китай, Индия. Последовательный сторонник взвешенной политики США по отношению к России, Ч. Мэйнс считал, что за декларациями США о готовности интегрировать Россию и Китай в международную систему нет весомых практических шагов, в то же время, им предъявляются многочисленные требования и навязываются правила, разработанные без их участия. Он обвинил США в «двойном стандарте» по отношению к России².

Ч. Кегли и Г. Реймонд также высказывали мысль о том, что независимо от того, какие организации станут основными составляющими новой системы безопасности, одним из условий ее создания должно стать включение всех без исключения крупных держав в ее состав. Они считали, что, устанавливая новые нормы поведения, создавая очередь для приема новых членов в НАТО и другие европейские организации, США и западные страны приносят элемент ненужного соперничества между претендентами, могут спровоцировать осложнения в отношениях между отдельными странами, позволят им манипулировать возможным членством в НАТО, могут породить тенденцию к созданию альтернативных структур и блоков. Вместо ожидаемого укрепления стабильности может произойти ее ослабление.

Дж. Мэтлок высказывался более осторожно, предлагал отложить расширение НАТО до тех пор, пока не будет выработан механизм взаимодействия с Россией, чем могло бы стать соглашение между Россией и НАТО, будут расширены полномочия ОБСЕ при активном участии России в ней, или создан другой механизм с участием России³. Высказанная мысль вполне укла-

¹ Maynes Ch. A Closing Word. – P. 15.

² Maynes Ch. Bottom-Up Foreign Policy. – P. 46-53.

³ Matlock J. Dealing with Russia in Turmoil. – P. 46-50.

дывалась в подход, основанный на концепции «кооперационной безопасности», согласно которому Россия могла стать участником решения важных проблем международной и региональной безопасности (если она этого желала) и как член ООН, и как крупнейшая региональная держава, чьи интересы могут быть затронуты прямо или косвенно.

Более влиятельной оказалась позиция сторонников расширения НАТО без учета позиции России. В ходе подготовки натовской встречи в верхах в Мадриде в июле 1997 года, где предполагалось объявить о расширении альянса и до начала которой предполагалось подписать соглашение с Россией, неоднократно выступал со своей концепцией в конгрессе, в ведущих научно-исследовательских центрах З. Бжезинский, он также консультировал президента Клинтона и министров. В марте 1997 года на заседании специальной Рабочей группы по европейской безопасности в конгрессе США он высказал рекомендации для российско-американских переговоров относительно подписания документа между Россией и НАТО. Они сводились к следующему:

– расширение НАТО необходимо и жизненно важно для США и европейской безопасности;

– не следует опасаться реакции России, так как оппозиция НАТО демонстрируется только внешнеполитической элитой, в рядах которой осталось много представителей советской номенклатуры; российские граждане не имеют негативного отношения к расширению НАТО, многие из них вообще не имеют мнения на этот счет;

– не следует заверять Россию в том, что она когда-нибудь станет членом НАТО, так как это нежелательно и вряд ли возможно в обозримой перспективе;

– все заявления, касающиеся расширения НАТО должны делаться в первую очередь президентом США, а не госсекретарем; должно быть четко заявлено о нескольких раундах расширения без указания конкретных кандидатов; однако страны Балтии должны получить заверения в том, что они будут рассматриваться в качестве кандидатов в обозримой перспективе¹.

¹ Managing NATO Enlargement. Special Report. U.S. Institute of Peace. — Wash., D.C., 1997.

В то время как руководство США и наиболее активная часть академического сообщества склонялись к формальному оформлению отношений с Россией без ее членства в НАТО, опросы общественного мнения демонстрировали иную позицию рядовых американцев. В середине 1990-х годов американская общественность, хотя и не выступала против расширения НАТО, но и не была категорически против участия России в устройстве новой системы безопасности. По заказу администрации Центром общественного мнения и Центром по международным исследованиям и проблемам безопасности Мэрилендского университета при содействии Фонда Карнеги было проведено специальное исследование состояния общественного мнения «Американцы о расширении НАТО» под руководством авторитетного социолога и политолога С. Калла.

Опрос показал: большинство участников опроса – 68% не считали, что «расширение НАТО должно быть направлено на то, чтобы сделать альянс более мощным, способным в будущем эффективно отразить возможную угрозу из России» (противоположной точки зрения придерживались 22%). По мнению респондентов, «НАТО должна быть расширена для того, чтобы уничтожить разделительные линии времен холодной войны, способствовать объединению Европы». Среди аргументов в пользу расширения НАТО самым непопулярным был тезис о том, что «Россия очень слаба, и это создает возможности для расширения НАТО и закрепления победы в холодной войне» – 61% опрошенных отвергли такой подход. Хотя чувство настороженности по отношению к России сохранялось, 66% опрошенных считали, что «Россия не агрессивна по своей природе». Они высказали убеждение в том, что «если в стране победит демократия, ее отношения с Западом будут развиваться мирно». Значительная часть опрошенных американцев – 65% – заявили о том, что Россию следует принять в НАТО в случае ее стабильного и мирного развития, и лишь 29% ответили, что «существует слишком много возможностей, когда интересы США и России могут прийти в противоречие, нельзя исключить возможность, что Россия вернется к агрессивной политике»¹. В начале 2000 года за

¹ Americans on Expanding NATO. A Study of Public Attitudes. Program on International Policy Attitudes. – Wash., D.C., 1996.

расширение НАТО по-прежнему высказывались многие американцы: 54% поддерживали расширение альянса¹.

В апреле 1999 года, в годовщину создания Организации Североатлантического договора полвека назад, в Вашингтоне на саммите НАТО три восточноевропейские страны — Венгрия, Польша и Чехия — были официально объявлены членами альянса. Обсуждение проблемы дальнейшего расширения блока перешло в иную плоскость: дискутировался не вопрос о целесообразности расширения, а сроки следующих этапов. Формальное урегулирование проблемы НАТО с Россией после подписания Основопологающего акта было расценено в Вашингтоне как политическая и дипломатическая победа в усилиях по модификации старого режима безопасности. Следующим шагом виделся пересмотр Договора по ПРО 1972 года и подходов к сокращению СНВ. Демократическая администрация лишь поставила эти вопросы, уклонившись от принятия окончательного решения по ним в последний год правления, что не замедлили сделать республиканцы, сразу после прихода к власти.

*Дискуссии по проблемам безопасности
в политико-академических кругах США
в конце 1990-х — начале 2000-х годов*

В предвыборных платформах Республиканской и Демократической партий, в разделах, посвященных проблемам безопасности, основными были положения об укреплении военного могущества США, о втором раунде расширения НАТО.

В платформе Республиканской партии военным вопросам было уделено большее внимание, чем у демократов, отдавших предпочтение экономике. Было заявлено, что в основе политики США будет обеспечение мирного развития мирового сообщества и Соединенных Штатов, как его лидера, для чего необходимы могущественные вооруженные силы, прочные союзы и проведение твердой внешней политики. Отмечалось, что уважение к силе должно оставаться в основе действий США, которые, не стыдясь своей мощи, будут использовать ее разумно и осмотрительно.

¹ The Houston Chronicle. — 2000, February 6.

Республиканские политики и консервативные эксперты выступили за активную модернизацию вооружений — создание высокоточного оружия нового поколения, более легких, смертоносных, мобильных вооружений; за создание новых оперативных концепций, доктрин и организационных структур, соответствующих новым задачам. Особо оговаривалась роль союзников США, от которых ожидался более весомый вклад в обеспечение безопасности и урегулирование конфликтов. Отмечалось, что не допускается какая-либо зависимость решений и действий американских и натовских вооруженных сил от решения СБ ООН, а международные соглашения и институты должны использоваться для достижения американских целей, а не как средства «политической терапии». Как и прежде, заявлялось, что международное право, не подкрепленное механизмами принуждения и военной силой не может обеспечить положительный исход в борьбе с опасными лидерами и государствами-«изгоями».

Основная цель по защите национальных интересов США была определена следующим образом: противостоять и сдерживать любую мощную военную державу в АТР, на Ближнем Востоке, в Персидском Заливе и в Европе; обеспечить усиление НАТО и повышение ее эффективности, продолжить расширение альянса, независимо от позиции России. В сфере международной безопасности выживание Америки и выживание мирового сообщества были определены как взаимозависимые. Было заявлено о готовности бороться со всеми, кто ненавидит США и американские идеи, особенно с теми, кто стремится создать оружие массового уничтожения. Ближайший внешнеполитический советник республиканского кандидата К. Райс заявила, что «страны, стремящиеся к обладанию ядерным оружием, должны знать, что, в случае возникновения с их стороны угрозы его использования, они будут уничтожены»¹. Сенатор Дж. Маккейн высказался не менее категорично: он предложил не только способствовать созданию новых региональных коалиций для сдерживания агрессивных устремлений стран-«изгоев», но и способствовать замене преступных режимов в ряде стран, используя вмешательство извне, в том числе с участием США².

¹ Rice C. Promoting National Interest. — P. 61.

² The Washington Post. — 1999, November 19.

Оба кандидата в президенты — А. Гор и Дж. У. Буш объявили о необходимости развертывания Национальной противоракетной обороны (НПРО). Демократы были более сдержанны в заявлениях, говорили о готовности искать компромисс в переговорах с Россией, а Дж. У. Буш пообещал приступить к развертыванию НПРО сразу после прихода к власти, даже без согласия России. При этом умалчивалось, что на тот момент технологические испытания новой системы не были успешными. Главное, что вырисовывалось для России, состояло в том, что, во-первых, США были намерены пересмотреть или упразднить Договор по ПРО 1972 года. Он был объявлен устаревшим и не отвечающим требованиям времени, его модификация объявлялась возможной только при условии, что изменения будут кардинальными и позволят США создать НПРО в необходимых масштабах. Вариант совместной с Россией разработки новой системы ПРО допускался только при условии, что Россия обеспечит прозрачность своей политики, прежде всего в области торговли оружием и распространения новых технологий в другие страны. Сторонники создания НПРО из числа республиканцев заявили, что Соединенные Штаты должны оставить за собой право начать ее создание в одностороннем порядке.

Делались ссылки на выводы двухпартийной комиссии, возглавлявшейся Д. Рамсфелдом, будущим министром обороны в администрации Дж. У. Буша (его называют «отцом» концепции НПРО). Основной вывод доклада, представленного министру обороны США У. Коэну в январе 2000 года, сводился к следующему: «...мы утверждаем, что есть угроза и эта угроза увеличивается. Мы предполагаем, что в ближайшем будущем возникнет опасность для наших вооруженных сил, как находящихся за рубежом, так и находящихся на территории нашей страны». Авторы доклада утверждали, что в современных условиях Договор 1972 года по ПРО «создает недопустимую уязвимость в системе национальной обороны США»¹. Отмечалось, что уже в 2005 году может возникнуть ядерная угроза США со стороны стран-«изгоев».

Демократы не уступали республиканцам в стремлении укрепить позиции США в Европе и мире, в том числе благодаря повышению роли НАТО. К 2000 году даже те либеральные эксперты, ко-

¹ The Houston Chronicle. — 2000, February 6.

торые выступали против расширения альянса, заявили, что США не могут отступить от своих обещаний и приостановить процесс расширения, т.е. признали, что Соединенные Штаты стали как бы заложником своей собственной политики и определенных сил в стране и за рубежом. Либеральные аналитики высказали уверенность в том, что отсутствие широкого консенсуса среди американской политической элиты в вопросе о НАТО не будет оказывать влияние на принятие решений при любой администрации: первый виток расширения альянса был осуществлен при отсутствии согласия внутри администрации и среди академической элиты.

Большинство либеральных внешнеполитических экспертов, занимавшихся идейной разработкой стратегии безопасности, подчеркивали, что ситуация с правом России на вето должна остаться неизменной, НАТО не должна создавать у нее иллюзий относительно того, что «второго Косово» не будет, и что Россия может влиять на деятельность НАТО и решение США по расширению блока. Указывалось на то, что подписание в 1997 году Основопологающего акта, по которому Россия получила право голоса при обсуждении отдельных проблем (но не получила права вето), породило в России иллюзии относительно ее роли в деятельности альянса и привело к кризису в двусторонних отношениях во время операции в Косово в 1999 году. Подчеркивалось, что НАТО не должна быть превращена в дискуссионный или «дружеский» клуб демократических стран: НАТО остается военным блоком и будет по-прежнему решать стратегические задачи военного характера.

Не все либеральные ученые соглашались с тем, что альтернативы расширению НАТО не существует, считая необходимым согласовать дальнейшие шаги по приему новых членов, прежде всего с Россией. Эксперты Фонда Карнеги, большинство из которых можно отнести к либералам, хотя и не призывали администрацию отказаться от планов второго раунда расширения НАТО и создания НПРО, советовали сделать этот процесс менее болезненным для России и свести к минимуму негативные последствия для международных отношений. Они предлагали следующее: 1) не осуществлять приема ни одной из постсоветских стран до 2005 года; 2) создать до этого прочную базу отношений с Россией, в частности открыть рынок вооружений НАТО для российской военной промышленности, усилить при-

сутствие США в урегулировании ситуации в Центральной Азии и на Кавказе; 3) углубить сотрудничество между евроатлантическими структурами безопасности и Россией для решения проблем безопасности, преступности, экологии и коррупции¹. Первый раунд расширения НАТО был охарактеризован ими как непродуманный и слишком поспешный шаг, осуществленный при отсутствии прочной базы доверия в отношениях России и США. Особо отмечалось, что хотя страны Балтии и Украина не могут быть лишены права присоединения к НАТО только из-за позиции России, их вступление в альянс не должно стать причиной нового кризиса отношений с Россией.

Отдельные либеральные научные центры выступили более категорично. Так, в докладе Института Кейто² указывалось, что действия США привели к кардинальному изменению доктрины НАТО, существа этого блока. Отмечалось, что НАТО начала выполнять задачи за пределами сферы своего действия, не оговоренные Вашингтонским договором 1949 года (бывшая Югославия). Особое внимание обращалось на тот факт, что для внесения соответствующих изменений в положения договора необходимо вынести предложения на утверждение парламентов стран — членов альянса.

Специалист по проблемам безопасности Т. Карпентер охарактеризовал действия США как стремление превратить НАТО из военного блока — организации по коллективной обороне — в организацию по обеспечению коллективной безопасности, частично выполняющую функции, подобные тем, которые выполняли Лига Наций и ООН. Он обратил внимание на то, что военные блоки отличает избирательность при принятии новых членов, в то время как для организации по обеспечению коллективной безопасности характерны открытость и отсутствие жестких ограничений для ее расширения. По утверждению Т. Карпентера, налицо было стремление администрации США трансформировать НАТО в некий гибрид — в военный блок с широкими обязанностями по обеспечению безопасности и демократии во всех европейских странах независимо от членства, а также в странах, перспектива вступления которых в альянс во-

¹ An Agenda for Renewal. U.S. — Russian Relations. — P. 20-23.

² Cato Handbook for Congress: Policy Recommendations for the 107th Congress. — Wash., D.C., 2000. — P. 545-551, 599-607.

обще пока не ставится. По мнению ученого, такой расширительный подход к будущему НАТО и к роли США в обеспечении евроатлантической безопасности был неверным, способным привести к осложнению международной ситуации, а также пагубным для альянса, который может утратить основные качества военного оборонительного союза.

Эксперты Института Кейто рекомендовали Конгрессу США принять резолюцию, запрещающую использование вооруженных сил США для выполнения задач, выходящих за рамки обеспечения обороны стран – членов НАТО. Конгрессу предлагалось остановить дальнейшее расширение блока после принятия в 1999 году трех восточноевропейских стран. Однако подобные рекомендации не принимались во внимание администрацией Клинтона и не были учтены республиканским руководством.

В вопросе о НПРО либеральные ученые также предлагали занять более гибкую позицию (к чему склонялся и А. Гор). Некоторые из них выступили с критикой инициативы по созданию национальной ПРО и их мнение совпало с позицией ряда видных американских физиков, заявивших, что создать систему, способную обеспечить полную защиту территории США от ядерного удара, невозможно¹. Они предложили либо вообще отказаться от одностороннего развертывания НПРО, либо осуществлять отход от Договора 1972 года при соблюдении ряда условий: 1) убедить Россию в том, что США не стремятся к ядерному превосходству и в одностороннем порядке начать сокращение ядерного оружия; 2) учитывая серьезную обеспокоенность России тем, что в условиях, когда нарушена существовавшая ранее система раннего предупреждения, создание НПРО представит для нее серьезную угрозу, оказать ей содействие в осуществлении запуска спутников предупреждения, на которые у России нет средств; 3) пойти на ограниченное сотрудничество с Россией при создании НПРО; 4) отложить вопрос о приеме в НАТО стран Балтии и Украины до тех пор, пока Россия не станет достойным кандидатом для вступления в альянс².

¹ Countermeasures. A Technical Evaluation of the Operational Effectiveness of the Planned U.S. National Missile Defense System. Executive Summary. Union of Concerned Scientists. – Cambridge, Mass., 2000; Group Urges President to Bar Missile Defense // The Washington Post. – 2000, June 13.

² Указанная позиция поддерживалась рядом гражданских и военных специалистов, придерживающихся либеральных взглядов, например, Б. Блэ

Критики программы по созданию НПРО высказывали мнение, что односторонний выход США из Договора 1972 года поставит их в невыгодное положение, так как вся вина за развал действующей системы договоров ляжет на Соединенные Штаты и даст России некоторые политические выгоды. Отмечалось, что хотя мнение России не будет решающим, однако желательно достигнуть определенного соглашения с ней в данном вопросе, так как это успокоит европейских союзников и представит возможности для смягчения оппозиции со стороны КНР. По мнению экспертов из Фонда Карнеги, односторонний выход из Договора 1972 года мог быть оправдан только в том случае, если будут проведены очередные ядерные испытания в КНДР или Иране. По их мнению, США следовало по-новому подойти к оценке существующих угроз и просчитать все негативные последствия развертывания НПРО, что включает не только позицию России, но и Китая, союзников по НАТО, остальных европейских стран. Отмечалось, что Договор по ПРО 1972 года — основа режима безопасности и контроля за распространением ОМУ и разрушение сложившейся системы (хотя и несовершенной) могло иметь далеко идущие и дестабилизирующие последствия. Предлагалось рассмотреть все предложения России по технологическому сотрудничеству на ранней стадии создания новой системы ПРО¹.

Несмотря на то, что Дж. У. Буш и республиканские политики категорично заявляли о готовности пойти на односторонние жесткие меры без учета озабоченностей России, некоторые авторитетные эксперты, работавшие на Республиканскую партию, например, Р. Хаасс (впоследствии занявший пост директора отдела оценок и планирования госдепартамента), считали необходимым испробовать все средства для того, чтобы убедить Россию в необходимости модифицировать Договор по ПРО 1972 года, и только после провала всех попыток достигнуть договоренности перейти к односторонним шагам, делая это максимально откры-

ром, Г. Фейвесеном, Ф. фон Хиппелом и др. См.: O'Hanlon M. Star Wars Strikes Back // Foreign Affairs. — Vol. 78. — № 6 (November/December 1999). — P. 68-82; CIA vs. SDI: Does a Letter Make a Difference? // The Defense Monitor. — Vol. XXVIII. — № 8, 1999; The Comprehensive Test Ban Treaty // The Defense Monitor. — Vol. XXVIII. — № 7, 1999; America's Future: Confrontation or Cooperation // The Defense Monitor. — Vol. XXVIII. — № 3, 1999.

¹ An Agenda for Renewal. U.S. — Russian Relations. — P. 17-19.

то¹. Дж. Линдсей высказался за ограниченный вариант НПРО, предложенный президентом Клинтоном (перехват баллистических ракет на активном участке полета — разгонная фаза). Он также высказал опасение, что провал переговоров между Россией и США по вопросу о ПРО может привести к развалу системы договоренностей по сокращению вооружений, и это неизбежно негативно скажется на международной стабильности в целом².

В конце 2000 года появилась статья Э. Коэна, который, как и в 1994 году, представил свое видение политики безопасности США в новом столетии. В целом его позиция не изменилась — он выступил за укрепление военной мощи США, модернизацию вооружений, однако он сделал ряд замечаний, которые, по его мнению, должны были способствовать исправлению отдельных ошибок в американском военном планировании:

— Министерство обороны в 2000 году остается таким же, каким оно было десять лет назад. Дж. Буш говорит о «революции», которая позволит осуществить технологический скачок, а А. Гор заявил о необходимости поднять уровень вооруженных сил США до уровня, необходимого в информационный век. Такая риторика не нужна в условиях, когда старые враги и так боятся США, а в мире растет число новых антагонистов американской политике.

— Американская стратегия по-прежнему основывается на мышлении холодной войны вместо того, чтобы сосредоточиться на вызовах XXI века: защита территории США, нейтрализация Китая и осуществление имперской политики.

— Продолжается закупка и производство вооружений, пригодных для ведения войны в Европе с Советским Союзом, которого уже давно не существует, а не систем вооружений, необходимых для военных действий в Азии и других отдаленных регионах мира, где США занимаются миротворческими акциями.

— Организационные структуры вооруженных сил США также ориентированы на отражение вызовов биполярного мира.

— Из-за отсутствия адекватной стратегии, среди офицеров младшего и среднего состава, составляющих основу американских вооруженных сил, наметились процессы деморализации.

¹ Haass R. Foreign Policy in the Age of Primacy //Brookings Review. — Vol. 18. — № 4 (Fall 2000). — P. 2-7.

² Lindsey J. The Nuclear Agenda. Arms Control and Missile Defense Are Back in the News //Brookings Review. — Vol. 18. — № 4 (Fall 2000). — P. 8-11.

Э. Коэн выступал за повышение эффективности американской обороны и военного планирования. Он достаточно верно подметил отсутствие у американского руководства осознания того, что мир изменился, что нет биполярного противостояния, что Россия — это не Советский Союз и не угрожает США. Поддержав в принципе идею создания НПРО, ученый отметил, что она имеет смысл только в том случае, если гарантирует защиту от КНР, а не от таких стран, как Ирак, Северная Корея или Иран. По мнению Э. Коэна еще не наступил момент для форсирования этих планов, равно как и для выхода из Договора по ПРО 1972 года.

Главным, по мнению политолога, искренне убежденного в необходимости сохранения ядерного сдерживания, считавшего неизбежным конфликт в Азии, для чего США потребуются мощные обычные вооружения и мобильная армия, было определить истинные, а не мнимые вызовы, и в соответствии с ними реализовать глобальную стратегию. До тех пор, пока США не назовут своих истинных оппонентов или соперников, заявил Э. Коэн, они будут готовиться к войнам, которые им, возможно, никогда не придется вести, так как новые угрозы гораздо сложнее угроз времен холодной войны. Существовала, по его мнению, потребность в новых гражданских и военных стратегах: «Если процесс неопределенности в выработке стратегии будет продолжаться, это может кончиться катастрофой, возможно, кровавой катастрофой для глобального гегемона, который боится признаться в том, что является мировым полицейским»¹.

Специалист по проблемам безопасности М. Мэй, также критикуя действия США в сфере безопасности, охарактеризовал ситуацию следующим образом: расширительная трактовка стратегии безопасности США определяется не позицией стран Европы (НАТО и страны ЦВЕ) или Восточной Азии (КНР и Тайвань), а политиками в Вашингтоне; не действительными задачами по обеспечению безопасности, а политическими интересами руководства США. В столице единственной сверхдержавы непопулярны разговоры о разумности и прагматизме, не допускается мысль о том, что США могут проиграть войну. Он так определил причины, способствовавшие тому, что стратегия безопасности США перешла разумные

¹ Cohen E. *Defending America in the Twenty-first Century* // *Foreign Affairs*. — Vol 79. — № 6 (November/December 2000). — P. 40-56.

пределы: 1) считается непатриотичным сомневаться в том, что успеху и могуществу США есть пределы и что успех необязательно будет сопутствовать им, особенно в условиях, когда они фактически осуществляют военную экспансию в мире; 2) военный истеблишмент, сложившийся в годы холодной войны, дорогостоящ и должен быть использован, от него непросто отказаться; 3) вопросы безопасности обсуждаются в узком кругу специалистов, политиков и отдельных журналистов, многие американцы не имеют четкого представления о таких вопросах, как НПРО, распространение ядерного оружия и др., многих это просто не интересует¹.

При обсуждении проблем безопасности неизбежно вставал вопрос об отношениях с Россией, остававшейся второй в мире ядерной державой. Объектом критики была ее политика в сфере торговли оружием и передовыми технологиями, которая, по утверждению ряда американских экспертов, позволила создать ядерное оружие (или приблизиться к этому) отдельным странам, которые США либо относят в разряд государств-«изгоев» (Ирак, Северная Корея), либо объявляют опасными для своей и международной безопасности (Иран, Китай, Индия). Администрация Клинтона неоднократно заявляла о недопустимости торговых сделок между Россией и Ираном по продаже оружия, обвинила ее в нарушении режима нераспространения, высказывала требования прекратить торговлю, обеспечить прозрачность деятельности российских компаний, работавших в этой сфере.

Консервативные политологи также уделяли этому вопросу специальное внимание, но высказывались более категорично. Эксперты из Фонда «Наследие» предлагали вернуться к рассмотрению не принятого конгрессом в 1992 году «Акта о нераспространении ядерного оружия в отношении Ирана и Ирака», который был представлен сенаторами А. Гором и Дж. Маккейном и предполагал применение санкций против России, если она не прекратит торговлю оружием и технологиями с этими странами. Указывалось на то, что в 1999 году истек срок действия неофициальной благоприятной для России договоренности, достигнутой в 1995 году между вице-президентом США А. Гором и премьер-министром РФ В.С. Черномырдиным, относительно торговли

¹ May M. The U.S. Enlargement Strategy and Nuclear Weapons. Center for International Security and Cooperation. — Stanford University. — March 2000. — P. 11-13.

обычными видами вооружений и высокими технологиями между Россией и Ираном, поэтому необходим пересмотр позиции США в отношении политики Российской Федерации в этом регионе.

По мнению А. Козна, Россия нарушила все ограничения в торговле оружием и занимается распространением передовых технологий, которые приведут к созданию ядерного оружия в Иране и Ираке. Политолог высказал мысль, нашедшую поддержку в конгрессе: вряд ли удастся заставить Россию отказаться полностью от торговли оружием со странами-«изгоями», поэтому необходимо добиваться учреждения международного контроля за российскими сделками и особенно за случаями реэкспорта российских технологий и оружия в третьи страны через Китай, КНДР и другие страны-покупатели. Для облегчения диалога с Россией он рекомендовал администрации, в частности, сохраняя жесткую позицию в вопросе о торговле оружием с Ираном, предложить России в обмен на отказ торговать с ним некоторые выгодные сделки: осуществлять запуски спутников по выполнению гражданских программ; закупить в России обогащенный уран для переработки в топливо для реакторов АЭС; отменить отдельные антидемпинговые меры на российскую продукцию (сталь); ускорить сертификацию российских транспортных самолетов для продажи на американском рынке¹.

Эксперты из Центра Никсона признавали, что, оставаясь крупнейшим торговцем оружия, США пытаются лишить Россию возможности остаться на рынке вооружений и получить средства, необходимые для реформирования экономики. Они определили стремление США «вытолкнуть» Россию из мирового рынка оружия и технологий как контрпродуктивное. По их мнению, сохраняя твердость в вопросе распространения ОМУ, особенно если это касается регионов (стран), представляющих угрозу интересам США (Иран, Ирак), следует проявлять гибкость, когда речь идет об обычных или устаревших видах вооружений, об оружии советского или российского происхождения, идущего из третьих стран, за что Россия не может нести полную ответственность. Отмечалось, что применение санкций в отношении России за торговлю оружием не будет эффективным средством воздействия на оппо-

¹ Cohen A. Refocusing U.S. Russian and Eurasian Policy on American Interests /Priorities for the President. — P. 287.

нента и может быть использовано только при условии согласования действий США с позицией и действиями союзников, так как в случае их отказа присоединиться к санкциям США, американские фирмы могут оказаться в невыгодной ситуации¹.

В дискуссии по проблемам безопасности не был оставлен без внимания вопрос о демонтаже российского ядерного оружия. В ходе предвыборной кампании администрацию Клинтона критиковали за ошибки в решении этой задачи. Получил распространение специальный доклад, подготовленный сотрудниками Гарвардского университета и Фонда Карнеги. Один из основных выводов доклада сводился к тому, что «из-за ошибок администрации Клинтона и действий Конгресса США, ухудшились условия для более успешной реализации планов по демонтажу российского ядерного оружия». Отмечалось, что «окно возможности», существовавшее в 1993 – 1994 гг., значительно сузилось»².

Отдельные эксперты отмечали, что, обвиняя Россию в способствовании распространению ядерного оружия в мире, сами США не были готовы внести реальный вклад в нераспространение. М. Мэй подчеркивал, что Соединенные Штаты оставляют ядерное сдерживание в основе своей военной стратегии, отказываются договариваться с другими ядерными державами относительно того, как, где, когда и в каком объеме ими будет использоваться военная сила, не присоединились к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), что политика США по расширению масштабов военной деятельности не позволяет кардинально решить вопрос о судьбе ядерного оружия и о его распространении и что на обозримую перспективу сохранится соперничество между отдельными странами за обладание ядерным оружием³.

Отдельные военные и гражданские эксперты, считавшие важным сохранение договорных отношений с Россией в сфере безопасности, выступили с предложением достичь с ней соглашения по снижению повышенной степени готовности ядерного оружия. Авторитетный специалист по военным проблемам Б. Блэр высказал мнение, согласно которому этот шаг мог реально способствовать уменьшению опасности несанкционирован-

¹ What Is To Be Undone? A Russia Policy Agenda for the New Administration. — P. 8-9.

² The Boston Globe. — 2000, February 26.

³ May M. The U.S. Enlargement Strategy and Nuclear Weapons. — P. 9.

ного или случайного использования ядерного оружия, послужить повышению степени доверия не только между двумя странами, но и между США и Россией, с одной стороны, и остальными ядерными державами — с другой. По его мнению, это позволит начать аналогичные переговоры с Индией и Китаем, может ускорить подписание Договора о нераспространении ОМУ неприсоединившимися странами.

Дж. Буш в речи 23 мая 2000 года заявлял: «Соединенные Штаты должны снять как можно большее число вооружений с повышенной степени готовности, так как такое состояние диктовалось условиями холодной войны. Как президент я попрошу представить мне расчеты относительно числа вооружений, которые могут быть сняты с повышенной степени готовности»¹. Такой шаг рассматривался как возможный только при условии согласия России на создание США НПРО. Сохранялась негативная позиция конгресса, наложившего в 1996 году запрет на аналогичное предложение президента Клинтона. По мнению Б. Блэра, такая увязка была нелогична и вряд ли приемлема для России, невыгодна США, которые «пытаются протащить неэффективную и провокационную идею создания НПРО», фактически тормозят процесс разоружения и достижения стабильности не только в отношениях между двумя странами, но и в целом в мире. Однако позиция Б. Блэра и других противников НПРО не была принята во внимание.

Сторонники разумного лидерства и ограниченной военной деятельности США заявляли о том, что американское руководство должно решить вопрос, сколько войн США могут выиграть в ядерный век, каковы пределы американских интересов и их военных действий. Отмечалось, что стратегия, которую проводила администрация Клинтона, поставила США в один ряд с неблагополучными нестабильными нациями, на первый план вышли разного рода военные акции (интервенции, альянсы, торговля оружием), повысилась вероятность риска и снизилась возможность получения выгод и достижения успеха. Наиболее прагматически мыслящая часть американской академической элиты пришла к выводу, что политика США в сфере безопасности, проводившаяся

¹ Mintz M. Two Minutes to Launch // The American Prospect. — 2001, February 26 — P. 24.

после 1991 года, мало напоминала политику, которая может способствовать усилению их влияния и могущества или укреплению мира и стабильности в мире.

После прихода к власти президент Дж. Буш заявил: «Больше никакой Ялты не будет!», что можно было охарактеризовать как упрощенное выражение стратегических устремлений США. Республиканцы собирались действовать на двух уровнях: общемировом — переустройство международной системы безопасности и национальном — обеспечение безопасности США с учетом изменений в мире и потребностей американского государства в краткосрочной и долгосрочной перспективах.

Один из идейных вдохновителей американской внешней политики и при администрации Клинтона, и при администрации Буша З. Бжезинский в своих рекомендациях новой республиканской администрации подчеркивал, что ее главная задача состоит в том, чтобы представить внешнеполитическую программу, которая была бы понятна и привлекательна для союзников США, прежде всего, в Европе. Среди западноевропейских союзников, по его мнению, имелись сомнения относительно наличия у США четкого стратегического видения на будущее, не было абсолютной убежденности в целесообразности дальнейшего расширения НАТО и развертывания американской ПРО для отражения угроз со стороны стран-«изгоев». В то же время, считал он, восточноевропейские страны опасались, что США в обмен на согласие России модифицировать Договор по ПРО 1972 года откажутся от полномасштабного расширения НАТО, включив в нее только Словению и Словакию. «Процесс дрейфа» в Европе, по мнению З. Бжезинского, мог подрвать НАТО и американо-европейские отношения, поэтому администрация Буша, которую он назвал «лучшей командой за многие годы», должна дать «образ будущего» Европе, не позволить России «затемнить» своими инициативами основополагающие цели американской политики. Только Большая Европа и Большая НАТО, говорил политолог, объединенные общей целью глобального регулирования, могли решить задачи современного международного развития¹.

¹ Brzezinski Zb. Bush Must Give Europe a New Sense of Direction //The Wall Street Journal. — 2001, July 16.

Основной дилеммой для администрации Буша стало разрывание НПРО в нарушение Договора по ПРО 1972 года. С самого начала позиция США была весьма жесткой. О намерениях проигнорировать позицию России неоднократно говорил сам президент. Заместитель министра обороны П. Уолфовитц подтвердил, что США намерены проводить категоричный (конфронтационный) курс: Договор по ПРО должен быть либо модифицирован, либо США выйдут из него¹.

Помощник президента по национальной безопасности К. Райс в речи в Национальном пресс-клубе так обосновала выход США из Договора по ПРО 1972 года: существовавшие договоры послевоенного периода отражали «враждебные отношения с Советским Союзом и не могут регулировать новые многообещающие отношения с Россией»². По мнению К. Райс и тех, кто придерживался той же точки зрения, международная стабильность и стабильность российско-американских отношений не могут основываться на «балансе страха». В условиях, когда контроль над распространением ядерного оружия стал трудноосуществим, повысилась возможность ядерного терроризма и использования других средств массового уничтожения, снизился порог неуязвимости ядерных держав, включая США и Россию, более важным, по мнению сторонников изменения основополагающей концепции международной безопасности, стала опора на создание эффективной обороны, которая позволит повысить порог неуязвимости. Сдерживание будет обеспечиваться обороной и меньшими, но более эффективными и мобильными вооруженными силами.

Специалист по военным проблемам М. О'Хэнлон писал в этой связи следующее: «После десяти лет ожидания и безуспешных попыток убедить администрацию в необходимости революции в сфере обороны у ее сторонников из числа экспертов ведущих научно-исследовательских центров и политиков появилась возможность осуществить радикальный поворот в военной политике от Европы к Азии, от вооружений наземного базирования и сухопут-

¹ USA Today. — 2001, July 13.

² National Security Advisor Rice Outlines Bush Foreign Policy // Washington File. — 2001, July 12.

ных войск к высоко мобильным силам, высокоточному оружию сверхдальнего действия, к космическим системам обороны»¹.

Программа НПРО, помимо сугубо военной, несла и определенную политическую нагрузку, как до нее идея СОИ, которая, по признанию Рейгана и многих известных политологов, физиков, инженеров, изначально выдвигалась не столько для ее технологической реализации, сколько из политических соображений. Отмечалось, что Р. Рейган никогда не интересовался технологическими вопросами, он связывал с СОИ прежде всего политическую задачу — оказать давление на СССР, втянуть его в непосильную гонку вооружений. Среди политических целей создания НПРО можно назвать следующие:

— закрепить факт сохранения угрозы в новом веке, изменения ее характера и расширения диапазона ее направленности (несмотря на исчезновение «советской угрозы», боязнь угрозы, исходящей из России, сохранялась);

— продолжить демонтаж ялтинско-потсдамской системы международных отношений, точнее всех тех институтов и соглашений, которые по разным причинам не устраивали США. Старая система создавалась двумя сверхдержавами, после распада СССР оставшаяся сверхдержава хотела бы создать такую институционально-правовую систему, которая в первую очередь отвечала бы американским интересам и оставляла бы для США определенную свободу рук при решении вопросов безопасности.

В Конгрессе США было немало сторонников НПРО, прежде всего среди республиканцев. Их слишком активная и непримиримая позиция вызывала опасения даже у отдельных неоконсервативных специалистов по международным проблемам. Так, Дж. Най отмечал, что стремление республиканцев из команды Буша быть похожими на Р. Рейгана неоправданно, так как они действуют в иных условиях: в годы холодной войны Р. Рейгану было легче проводить жесткую бескомпромиссную политику, поскольку «преимущества США были очевидны»².

Администрация объявила об отходе от стратегии сдерживания, основанной на угрозе ядерного уничтожения. В соответствии с

¹ O'Hanlon M. America Must Fight in the Real World //The Financial Times. — 2001, July 31.

² Nye J. The Power We Must Not Squander //The New York Times. — 2001, January 3.

новым подходом, сдерживание потенциального противника будет обеспечиваться гарантированной возможностью со стороны США по перехвату и уничтожению ядерного оружия, пущенного из любой точки земного шара. Неуязвимость Соединенных Штатов для ядерного удара будет призвана лишить оппонентов надежд на возможность использования ядерного оружия, что, по мнению американских лидеров, в перспективе окажет стабилизирующее воздействие на процессы распространения ядерного оружия в мире. Новая военная программа, о которой объявили президент и представители Пентагона, предполагала радикальную модернизацию вооруженных сил, создание нового поколения вооружений, значительное сокращение ядерного оружия и создание НПРО.

Критики сразу же охарактеризовали ее как набор амбициозных положений при отсутствии четкого политического и стратегического видения¹. Они обращали внимание на финансовые и стратегические ограничения для реализации планов республиканцев в сфере обороны, особенно в случае создания варианта разнонаправленной и широкомасштабной обороны для отражения не только возможного удара со стороны Северной Кореи или Ирака, но и целенаправленного удара из Китая или несанкционированного запуска из России. Указывалось на то, что администрация, даже не отказываясь от программы НПРО, могла бы ограничиться менее амбициозными и более полезными для обороны США планами. В частности, предлагались следующие необходимые меры:

1. Укрепление безопасности наземных, воздушных и морских границ и усиление контроля во всех пунктах въезда и ввоза в США, необходимое для предотвращения ввоза в США не только наркотиков, но и единиц ядерного, химического, биологического оружия террористами; создание базы данных по всем ввозимым в США контейнерам.

2. Усиление охраны всех федеральных и местных административных и частных зданий, которые могут подвергнуться атаке или проникновению лиц с опасным оружием (собственно охрана и охранные приборы и приспособления, детекторы химического и иного оружия и т.п.).

3. Усиление контрразведывательных действий по выявлению каналов проникновения ОМУ на территорию США.

¹ The Rumsfeld Defense // The New York Times. — 2001, July 13.

4. Совместно с союзниками по НАТО осуществление действий по уменьшению ядерной угрозы, исходящей от стран, обладающих или стремящихся к обладанию ядерным оружием. В частности, в полном объеме продолжить финансирование программы Нанна-Лугара в России. Предложить программы, стимулирующие отказ от наращивания ядерных программ, например, для Северной Кореи и других стран¹.

Отдельные эксперты утверждали, что США будет трудно убедить мировое сообщество в том, что создаваемая система обороны с космическими лазерами, микроспутниками и другими установками будет иметь действительно оборонительный характер. Многие страны не замедлят заняться созданием собственного оружия космического базирования, нельзя исключать возможность роста гонки вооружений и усложнения ситуации в связи с распространением ОМУ. Указывалось на то, что выход из Договора по ПРО 1972 года, отказ ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, отход от договора СНВ-2, в случае перехода к односторонним действиям по сокращению стратегических ядерных вооружений, неизбежно нанесут ущерб НАТО, что не входит в планы США в краткосрочной перспективе².

Отмечалось, что можно проигнорировать Россию при решении вопросов о переделе существующей и уже меняющейся структуры и содержания системы международной безопасности, однако ее единоличные действия или совместно с рядом недовольных государств (Китай, Иран и др.) могут усложнить ситуацию в целом, создать дополнительные проблемы в отношениях со странами Европы, потребовать новых усилий и средств по нейтрализации неблагоприятных факторов.

Критика предложенной администрацией военной программы исходила и от сторонников развертывания НПРО. Так, Г. Киссинджер отметил, что была избрана неверная мотивировка

¹ O'Hanlon M. and Lindsey J. *Defending America: The Case for Limited National Defense*. Brookings Institution. — Wash., D.C., 2001. Авторы очень верно подметили «болевые точки» американской национальной обороны и «перекосы» с глобальным компонентом американской политики в области обороны. Они выступили со своими предложениями до событий 11 сентября 2001 года, подтвердивших их правоту.

² Wurst J. and Burroughs J. *Ending the Nuclear Nightmare // World Policy Journal*. — Vol. XVII. — № 1 (Spring 2001). — P. 31-38.

для ее развертывания — борьба с государствами-«изгоями», которые уже сейчас находятся на пределе своих финансовых и технических возможностей, поэтому создание американской НПРО не может повлиять на реализацию их военных программ. По его мнению, оборона должна создаваться для отражения любой угрозы, независимо от ее источника, а деление стран на плохих и хороших или на страны с неопределенным статусом, как в случае с Россией, которая может стать, а может и не стать источником ядерного нападения на США, лишь усложняет ситуацию для американской администрации в диалоге с другими странами. Политолог считал неправильным то, что администрация сосредоточила усилия на работе с Россией, для которой создаваемая США система обороны не представляет непосредственной опасности в краткосрочной перспективе, пока она сохраняет способность нанести ядерный удар по Америке. Лишь Китай должен быть по-настоящему обеспокоен оборонными программами США, и это в перспективе может вызвать осложнения в американо-китайских отношениях, потребовать согласования параметров американской обороны¹.

Важным вопросом, тесно связанным с проблемой НПРО, оставалось сокращение вооружений и нераспространение ядерного оружия. Россия выступила за сохранение системы договоров, подписанных СССР и Россией с США, прежде всего Договора СНВ-2, предложила осуществить взаимное дальнейшее сокращение до уровня 1500 единиц. Американские военные эксперты объявили эти цифры неприемлемыми, так как, по их подсчетам, США необходимы 2000 — 2500 единиц ядерного оружия для отражения угроз, в первую очередь российской².

Среди американских военных и гражданских экспертов оставались разногласия относительно того, следует ли продолжать традиционные переговоры по сокращению вооружений. Президент Буш заявил о возможности осуществления односторонних сокращений, К. Райс говорила о необходимости изменить модель решения проблемы контроля над вооружениями в соответствии с новы-

¹ Kissinger H. Giving Europe's Leaders Something to Think About //The Washington Post. — 2001, July 5.

² Weir F. and Hey R. Arms Deal Rattles Cold Warriors //Christian Science Monitor. — 2001, July 27.

ми подходами США в сфере безопасности, о невозможности вести длительные переговоры, так как это мешает осуществлению американских планов. Сторонники односторонних инициатив по сокращению СНВ, которые были среди либеральных и консервативных внешнеполитических экспертов, указывали на то, что России в силу экономических причин будет весьма трудно выполнять условия Договора СНВ-2, тем более перейти к переговорам о СНВ-3. Они делали акцент на том, что, хотя российское руководство и неоднократно заявляло о готовности это сделать, финансовые возможности реализации таких сокращений у России весьма ограничены, и она по-прежнему будет нуждаться в американском финансировании по программе Нанна-Лугара, расходы на которую администрация Буша предполагала сократить. Предлагалось признать, что один из основных приоритетов американской политики в отношении России в 1992—2000 гг. — помощь в охране ядерных объектов и демонтаже ядерного оружия — должен быть заменен более важными для США приоритетами, такими как расширение НАТО, создание НПРО, усиление режима нераспространения ОМУ. Главным аргументом в пользу такого шага была неудовлетворенность тем, как Россия выполняла программу Нанна-Лугара.

По убеждению противников односторонних шагов США по сокращению СНВ, к которым принадлежит Г. Киссинджер, Соединенные Штаты не должны разрушать систему договоров по сокращению вооружений, не должны принимать односторонних решений или действий, так как в этом случае наращивание вооружений не только в России, но и в других странах, может оказаться бесконтрольным. Он считает, что США должны вести прямые переговоры с Россией по всем вопросам, особенно, когда это касается проблем безопасности (расширение НАТО, НПРО). По мнению Г. Киссинджера, до встречи президентов США и России в Словении европейские страны выполняли роль посредника между ними, иногда использовали российско-американские противоречия в своих интересах, в то время, как союзники по НАТО должны действовать вместе, а не соревноваться за большее влияние на Россию для достижения своих интересов. Г. Киссинджер высказал убеждение в том, что основной задачей политики США и их союзников должно стать превращение России в достойного члена глобального и европейского сообщества, чтобы совместны-

ми усилиями не допустить обращения России к политике «поглощения своих соседей и превращения их в союзников»¹.

В этом с ним согласились многие эксперты из ведущих научных центров, считавшие, что необходимо сохранить двусторонний механизм переговоров с Россией, разумно подойти к установлению потолков сокращения СНВ, которые не стали бы быстро достижимым уровнем для КНР и не способствовали бы развитию программ по наращиванию наступательных вооружений; согласовать обсуждаемые цифры со стратегическими задачами США. В случае принятия одностороннего решения, все-таки необходимо добиться формального согласия России, так как только тогда сохранится возможность для проверки и контроля над российским оружием.

Рекомендации оппонентов односторонних действий США в сфере безопасности не остались без внимания. Президент Буш избрал компромиссный вариант решения двух проблем, вызывавших наибольшие разногласия и в американском политико-академическом сообществе, и в отношениях с Россией: США вышли из Договора по ПРО 1972 года, о чем было объявлено 13 декабря 2001 года, но на одностороннее сокращение СНВ администрация не пошла, заявив о готовности подписать договор с Россией о сокращении стратегических наступательных потенциалов.

Принятию этого решения предшествовали острые дебаты, как внутри администрации, так и за ее пределами. У многих внешнеполитических экспертов вызывал сомнение слишком жесткий подход республиканцев к отдельным странам и их политике (чем грешили и демократы). «Ястребы» в администрации Буша, к кому причисляли Р. Чейни, Д. Рамсфелда, Р. Перла, П. Уолфовитца, не были склонны отказаться от своей позиции в продвижении американских интересов и ценностей, считая, что только твердость и жесткость могут заставить несогласных уступить, а «мягкость — это показатель слабости»². На ошибочность такой позиции указывали не только либеральные политологи, говорили об этом и неоконсерваторы. Так, редактор известного консервативного журнала «Нэшнл интерес» О. Харрис писал следующее: «Во время холодной войны были оправданы разные

¹ The Washington Post. — 2001, July 5.

² Mead W. Armed with a Big Stick, How Loudly May We Speak? // The Los Angeles Times. — 2001, March 4.

оценки поведения США и СССР, хотя их действия были во многом схожими. Причиной тому были не столько уникальные добродетели США, сколько особый враждебный характер СССР. Но даже такой подход не оправдывает полностью в более спокойном мире использование двойного стандарта — одного для США и другого — для всего остального мира. Это не только лицемерно по отношению к остальным странам, но и пагубно для престижа Америки и доверия к ней. Такой подход не отражает истинного положения вещей в международных отношениях и не позволяет найти ответ на имеющиеся проблемы. Такая позиция является главным изъяном в действиях незаменяемой нации»¹.

Комментируя планы республиканцев в сфере безопасности, Дж. Най обращал внимание на то, что для Соединенных Штатов могут оказаться более полезными мирные возможности достижения глобальных устремлений. К ним он относит так называемую «мягкую силу» Америки: американские моральные ценности, которые все более популярны в мире; уровень и качество жизни в США; американское образование, которое ежегодно приезжают получать около полумиллиона иностранных студентов; экспорт американской культуры, фильмов, телепрограмм, Интернет; участие в деятельности международных организаций, таких как НАТО, МВФ и др. Он убежден, что отказ США присоединиться к ДВЗЯИ, «размахивание кулаком», грубое вмешательство в сферы интересов других стран, в том числе союзников, гегемонистская риторика подрывают «мягкое» могущество США и играют на руку врагам². Высказывались опасения, что ложное представление о США, как о «нации, которая возвышается над всеми и видит дальше всех» (слова М. Олбрайт) и способна лучше всех видеть путь, по которому следует идти всему миру, может привести к печальным результатам³.

В 2001 году Соединенные Штаты столкнулись с вызовом международного терроризма. Стала очевидной уязвимость любого субъекта международных отношений. Однако радикальных изменений американская политика в сфере безопасности не пре-

¹ Цит. по: Lieven A. Against Russophobia //World Policy Journal. — Vol. XVII. — № 4 (Winter 2000/2001). — P. 25-32.

² The New York Times. — 2001. January 3.

³ Rieff D. The Crusaders. Moral Principles, Strategic Interests, and Military Force //World Policy Journal. — Vol. XV. — № 2 (Summer 2000). — P. 39-47.

терпела. Как мы отмечали, мессианский фактор усилился, что нашло отражение в работах отдельных политологов. М. Макфола сложившаяся ситуация вдохновила на разработку «доктрины свободы», где ключевым был фактор антитеррористической борьбы, в которой США выступили лидером. Давая оценку новой угрозе, политолог подчеркнул необходимость конкретно определить, против чего будут бороться США и их союзники по антитеррористической кампании. Он предложил отделить «войну против жестокости и насилия» (чем является террор), в которой победить невозможно, от «войны с исламским тоталитаризмом за демократию», в которой, по его мнению, можно одержать победу.

Взгляды М. Макфола, представлявшего либеральное направление в академической мысли, во многом совпали с позицией консерваторов по следующим пунктам:

1) коллективизм должным образом служит интересам национальной безопасности только в том случае, когда США сами определяют направления и содержание деятельности многосторонних организаций и институтов. Коллективные действия могут быть эффективными только при лидерстве Америки, продвижение и победа идей невозможны без поддержки сильного государства;

2) следует отказаться от ложного положения, по которому членство того или иного «плохого» или «проблемного» государства в демократической организации, например, в НАТО, ВТО, ЕС, способствует его демократизации. Членство в западных организациях должно быть доступно только после демократизации режима в стране. Требование приема России в НАТО безосновательно, так как она до сих пор не является демократической страной;

3) для претворения в жизнь «доктрины свободы» США должны добиваться сохранения военного преимущества над остальным миром. Американская гегемония сдерживает другие державы от искушения бросить ей вызов;

4) американские политики должны разработать внешнеполитическую стратегию и военную доктрину, позволяющие использовать мощь сверхдержавы для смены антидемократических режимов (Ирак должен стать следующим кандидатом для приложения «доктрины свободы»). Указанная политика должна допол-

няться широкомасштабной программой по строительству демократии в странах воздействия;

5) помощь США не должна рассматриваться как благотворительная деятельность, это инструмент политики национальной безопасности;

6) Афганистан может быть аналогом Западной Германии в политике США. Строительство демократии в Афганистане должно стать делом Соединенных Штатов, это не может быть передано ООН или Европе, так как подобное разделение труда подорвет репутацию Америки как основного борца за распространение демократии¹.

Не все члены администрации были одержимы идеями глобального регулирования, возлагавшего на США основное бремя расходов, сохранялось противодействие усилению коллективизма в принятии решений по проблемам международной безопасности. Министр обороны Д. Рамсфелд заявил, что более приемлемой остается независимая политика США и увеличение доли участия других стран в решении как глобальных, так и региональных проблем: «Вместо того, чтобы тратить силы, время и деньги на усиление международных сил по обеспечению безопасности, надо помочь отдельным странам в создании национальных армий»². Сторонники министра не приветствовали отправку американских миротворческих сил в Афганистан и не испытывали большого энтузиазма относительно реализации нового «плана Маршалла» по строительству демократического общества в этой и других странах, о котором объявил президент Буш в «Обращении к стране»³.

¹ McFaul M. The Liberty Doctrine. P. 14-20.

² The Washington Post. — 2002, April 21.

³ Президент Буш представил программу «Корпуса свободы» — новый вариант «Корпуса мира» времен Дж. Ф. Кеннеди. В их задачу войдет мобилизация вышедших в отставку медицинских работников и волонтеров для обеспечения безопасности страны — скорая помощь, полиция, пожарная служба, транспорт; учителей — для работы в проблемных школах, семьях, сообществах. Планируется мобилизация 200 тысяч добровольцев, которые будут работать за пределами США, в частности, для обеспечения демократического развития в Афганистане. Деятельность «Корпуса свободы» призвана способствовать установлению длительного мира и победе демократических ценностей /The State of the Union Address by the President of the United States — P. H101.

Еще более ясно высказался Р. Перл, глава отдела оборонного планирования Пентагона. После событий сентября 2001 года он заявил о необходимости определить пределы для создания коалиции по борьбе с терроризмом: «Замечательно иметь поддержку наших друзей и союзников, но нашей главной заботой должна быть защита страны, а не организация голосования по вопросу о том, как мы должны это делать»¹.

В способности администрации вести многостороннюю антитеррористическую операцию усомнился Дж. Стейнберг, бывший заместителем помощника по национальной безопасности президента Клинтона. Комментируя ситуацию, он отметил, что «в администрации идет настоящая окопная война», так как ключевые политические фигуры имеют жесткие и несовместимые идеологические убеждения. Они очень хорошо знают, как бороться со злом, но не имеют продуманной и разработанной стратегии для решения иных задач внешней политики².

Террористические акты, с одной стороны, «облегчили» США осуществление военных планов, но с другой стороны, создали определенные трудности в реализации политики глобального лидерства. Была доказана правота тех ученых и политиков, которые утверждали, что в глобальном мире с глобальными угрозами, среди которых назывались распространение ОМУ, терроризм, экология, нищета, болезни и т.д., в одиночку невозможно справиться с существующими вызовами, нельзя полагаться только на военную силу. Была велика вероятность перерастания локальных конфликтов в мировые, последствия локальных военных актов могли выйти за пределы региона (экологические последствия, беженцы, болезни, терроризм и т.д.). Требовался поиск альтернативных военному путей разрешения конфликтных ситуаций, ограничение действий сверхдержавы и согласование ее планов не только с союзниками, но и с другими ведущими державами мира, а также с отдельными государствами, международными организациями, помимо НАТО.

Существовавшие в администрации разногласия и сохранявшиеся амбиции мирового лидера свидетельствовали о том, что в начале XXI века было рано говорить о том, что реальный коллективизм, выгодный не только США, утвердился в американской

¹ Цит. по: Ikenberry J. American Grand Strategy in the Age of Terror. — P. 27.

² The Washington Post. — 2002, April 21.

политике и мог стать важной составляющей глобальной стратегии. У давних и новых союзников США оставались сомнения на этот счет, но были и надежды, что коллективизм антитеррористической кампании не станет одноразовой акцией и США не вернуться к более амбициозным односторонним действиям (например, в отношении Ирака или Ирана) в соответствии с заявлением президента Буша о том, что интересы и безопасность страны важнее любой коалиции.

Раздел 8. Позиция России по проблемам международной безопасности

Расширение НАТО и реакция России

После объявления США о расширении НАТО российские военные и гражданские эксперты разной политической ориентации заговорили о том, что России необходимо не только выработать новую стратегию национальной безопасности и военную доктрину в условиях продолжавшегося демонтажа ялтинско-потсдамских соглашений, но и более активно включиться в процесс формирования новой системы безопасности. В отдельных работах отмечалось, что предложенная США модель безопасности на основе расширенной НАТО не отвечает интересам России. Так, А.Г. Арбатов писал в связи с этим: «... Россия никогда не будет иметь равного положения ни в НАТО, ни в Европейском Союзе, во всяком случае, в обозримый период, а это значит, что Россия будет на каких-то вторых ролях, между тем как Россия — ключевой участник любой возможной системы безопасности в евроатлантической зоне»¹.

Альтернативой натоцентричной структуре называлось создание системы безопасности на основе СБСЕ (с декабря 1994 года — ОБСЕ). Один из самых активных критиков концепции евроатлантического сообщества, С.В. Кортунов, отмечал, что, хотя к моменту окончания холодной войны СБСЕ представляла собой слабую структуру, в ней заложен большой потенциал. По его убеждению, формирование евроатлантической системы безопасности должно

¹ Интересы России в СНГ //Международная жизнь. — 1994. — № 9. — С. 27.

осуществляться прежде всего под эгидой ОБСЕ, как поэтапный процесс постепенного превращения всех имеющихся европейских и трансатлантических структур сотрудничества во взаимодополняющие компоненты единой системы безопасности XXI века¹.

Министр иностранных дел РФ Е.М. Примаков особо отметил роль ОБСЕ: «СБСЕ и ОБСЕ оказались столь необходимыми для народов континента именно по причине их уникальных качеств. Прежде всего ОБСЕ — единственная действительно универсальная организация европейских государств. В ней к тому же воплощена и глубокая связь интересов государств Европы и Северной Америки... ОБСЕ это организация, основанная на принципе консенсуса, гарантирующего права всех входящих в нее государств, больших и малых»².

В начале 1990-х годов российские ученые предлагали реорганизовать СБСЕ как важнейший институт, который мог бы заменить НАТО в качестве основы новой системы европейской и международной безопасности. Одно из предложений так и звучало: важнейшей целью внешней политики России должно быть преобразование СБСЕ в механизм принятия решений в области международной безопасности. А.Г. Арбатов предлагал придать генеральному секретарю СБСЕ не только административные, но и политические функции. Образовать Совет европейской безопасности, состоящий из России, США и представителя Европейского Союза. Он отмечал, что в основе функционирования этой системы могли бы быть вооруженные силы России, НАТО, определенная роль могла быть отведена «Партнерству во имя мира»³.

Помимо озабоченностей, связанных с ломкой существовавшей системы безопасности, российских ученых волновал вопрос об утрате позиций России в Европе, прежде всего на восточноевропейском направлении. Академик О.Т. Богомолов обращал внимание на то, что происходила активизация политики Соединенных Штатов, стран Европейского Союза и особенно Германии в

¹ Кортуннов С.В. Россия заново открывает для себя Центральную Европу // Независимая газета. — 1995, 2 ноября.

² Примаков Е.М. На горизонте — многополюсный мир. Международные отношения накануне XXI века: проблемы и перспективы // Независимая газета. — 1996, 22 октября.

³ Восточная Европа и Россия // Международная жизнь. — 1994. — № 1. — С. 20-21.

регионе ЦВЕ с целью включения его в сферу влияния НАТО и ЕС. Указывалось на то, что в условиях, когда отсутствовала какая-либо политика России по отношению к странам Центральной и Восточной Европы, образовавшийся геополитический вакуум все более заполнялся присутствием США и других стран Запада¹.

Позднее будет признано, что западная переориентация стран ЦВЕ в значительной степени была спровоцирована открытым пренебрежением России к этому региону. Авторитетные специалисты в вопросах безопасности Б.М. Халоша и П.Л. Иванов справедливо отмечали, что, определив фаворита своего внешнеполитического курса, Россия не преуспела в развитии отношений с ним, отвернулась от своих союзников и партнеров. Концепция партнерства с ведущими странами Запада, по их мнению, не была и не могла быть реализована, поскольку претензии на равноправие не были подкреплены соответствующими реалиями, прежде всего экономическими. «Равнодушие и пассивность» российского руководства лишь усилили те негативные тенденции, которые имели место в отношениях СССР и стран ЦВЕ, их стремление «освободиться от опеки», обезопасить себя от нестабильности на пространстве бывшего СССР².

Многие российские внешнеполитические эксперты заявляли о том, что в складывавшейся ситуации Россия должна стремиться к более активному участию в европейских делах — совместно с США, с Европейским Союзом, желательно при участии Украины и Беларуси — в выработке совместных подходов к разрешению проблем обеспечения стабильности и безопасности в регионе, исключающих доминирование одной из сторон. Высказывалось мнение, что возможность членства в НАТО для одних и невозможность приема в альянс других стран может привести к расколу в Европе, появлению новой «берлинской стены» между более богатыми и менее богатыми странами Европы, в число которых войдет Россия.

Крепло понимание того, что Россия не должна идти вслед за инициативами американцев, что ей необходимо иметь собственную позицию по усовершенствованию общеевропейских инсти-

¹ Восточная Европа и Россия //Международная жизнь. — 1994. — № 1. — С. 17-19.

² Иванов П.Л., Халоша Б.М. НАТО и интересы национальной безопасности России //Мировая экономика и международные отношения. — 1997. — № 3. — С. 27.

тутов в рамках Хельсинкских договоренностей, выдвинуть свою идею трансформации НАТО в связи с перспективой расширения блока. Все чаще звучало мнение, что Россия может претендовать на свое видение системы международной безопасности, что необходимо привлечь экспертов и политиков для создания российской концепции Европы на рубеже веков. В ходе одной из дискуссий по проблемам отношений России с Восточной Европой выдвигалась идея формирования геополитического узла, в котором Россия была бы одной из политических доминант. Не сверхдержавой, не имперским центром, а одной из серьезных политических доминант, связанной множеством отношений с государствами региона, приоритетных отношений.

А.М. Салмин призывал российское руководство приложить все усилия для закрепления позиций России в «восьмерке», способствовать образованию «малой семерки» в составе России, США, Германии, Франции, Великобритании, Украины, Польши. Успех этого нелегкого дела, по мнению политолога, позволил бы смягчить негативные для России геополитические и психологические последствия расширения НАТО и «даже отчасти сделал бы бессмысленным это расширение как потенциально направленное против России»¹.

Предложения российских ученых вряд ли могли быть приняты во внимание США и их союзниками в Европе, так как они уже начали реализовывать стратегию создания системы евроатлантической безопасности на основе расширенной НАТО без участия России. После официальных заявлений президента США и членов американской администрации в 1994 году о расширении Североатлантического альянса, нарастает критика американской политики.

Одним из первых сигналов поворота в российской позиции стала статья А.Г. Арбатова, в которой отмечалось, что в условиях, когда пять держав сохраняют ядерное оружие и международная ситуация складывается не в пользу России, «имманентной основой обороноспособности России в обозримый период будут оставаться стратегические ядерные силы», обладающие «глобальной досягаемостью и абсолютной разрушительной мощностью, которая

¹ Салмин А.М. Опыт и перспективы Содружества Независимых Государств. Ключ от развития ситуации находится у России // Независимая газета. — 1996, 15 мая.

является уравнителем неблагоприятного для Российской Федерации соотношения экономических, технических, демографических и других параметров силы государств». Автор отмечал, что перед Россией стоит задача выбора разумных приоритетов политики безопасности, сосредоточения на них необходимых ресурсов, правильного сочетания военных программ и политико-дипломатических действий¹.

Почти все специалисты по международным вопросам высказывали мнение, что расширение НАТО привело к разрушению системы договоров в сфере безопасности и Российская Федерация оказалась в очень сложной ситуации. В дополнение к позиции, высказанной А.Г. Арбатовым о необходимости модернизации ядерных сил России, как основы ее безопасности, авторитетный ученый-международник, в то время председатель комитета по международным делам Государственной думы В.П. Лукин заявил о том, что Россия будет вынуждена пересмотреть ряд договоров, в том числе:

1. Договор ОВСЕ – в силу того, что по фланговым ограничениям, в случае продвижения НАТО к границам России, он теряет свою значимость, Россия будет вольна размещать свои вооруженные силы так, как она считает необходимым;

2. Договор СНВ-2 может оказаться под вопросом. России потребуется такой потенциал для гарантированного ответного удара, который она сочтет необходимым в новых условиях;

3. потребуется интенсификация усилий по укреплению союзнических отношений со странами, которые окружают Россию, прежде всего с Беларусью и Украиной².

Отдельные политологи предупреждали о том, что расширение НАТО может вынудить Россию уравнивать в одиночку своим потенциалом обычных вооружений всю Европу и размещенные на ее территории силы США. В силу очевидной трудности такой задачи Россия может признать необходимость более широкой опоры на тактическое ядерное оружие как единственный дешевый и доступный «нивелир» дисбаланса в обычных вооружениях.

¹ Арбатов А.Г. Ядерные силы: стратегия, достаточность, состав // Независимая газета. – 1994, 8 декабря.

² Лукин В.П. Мы оказались в очень плохой геополитической ситуации // Независимая газета. – 1995, 14 марта.

Специалист по военным вопросам А.А. Коновалов сделал весьма драматичный вывод: никакое руководство России не сможет, даже если захочет, наращивать партнерство с НАТО в ситуации, когда альянс начинает продвижение на восток. Разрушение такого партнерства объявлялось «неизбежной платой за расширение, и если США не считали цену высокой, то тогда им следует открыто заявить, что Америка знает об этом и расширение НАТО для нее куда более приоритетная цель, чем партнерство с Россией»¹. Заявление политолога отражало позицию тех российских экспертов, которые не хотели признать очевидного факта — двустороннее партнерство понимается в США и в России по-разному: оно представляло большую важность для России, а для американской стороны оно было значительно менее интересным, США шли на изменение мирового порядка сознательно и не видели в России реальной угрозы, способной им в этом помешать.

Как показали последующие события, критическая позиция российских ученых, часто весьма эмоциональная, не оказала заметного влияния на планы и действия США. Однако нельзя отрицать важность дебатов по внешней политике России в связи с расширением НАТО, достигших пика в 1996—1997 гг. Оценки, высказанные в то время, не утратили своей значимости, так как процесс демонстрации системы международной безопасности продолжается.

Практически все политические деятели и ученые, за редким исключением (Е.Т. Гайдар, А.В. Козырев и ряд других)², открыто признавали, что приближение НАТО к российским границам представляло для России угрозу. Генерал А.И. Лебедь заявил, что расширение НАТО — «это не расширение ради мира и спокойствия Европы (Западной, Центральной, Восточной), а действие ради самосохранения альянса», одной из основных причин которого было стремление сохранить присутствие и влияние США в Европе. По его мнению, присутствие американских войск в Европе — важнейший инструмент внешней политики Вашингтона, который с тревогой отмечает растущие амбиции объединенной Европы, и связька

¹ Коновалов А.А. США могут оказаться перед выбором: либо расширение НАТО, либо партнерство с Россией // *Сегодня*. — 1995, 25 августа.

² См., например: Боровой К.С. Будущее российского диалога с НАТО // *Независимая газета*. — 1997, 28 мая.

НАТО – ООН – США работала на сохранение в европейской политике решающего голоса американского «старшего брата»¹.

В ноябре 1996 года секретарь Совета безопасности РФ Ю.М. Батурин выступил по вопросу о расширении НАТО и определил этот процесс как «военную угрозу для России». Высказав несогласие с мнением отдельных политиков, Ю.М. Батурин объявил некорректными тезисы о том, что холодная война проиграна СССР (Россией). По его убеждению, договоры «два плюс четыре» по объединению Германии и Парижская хартия, принятая в ноябре 1990 года на встрече в верхах СБСЕ, не были капитуляцией Востока перед Западом, они были равноправными соглашениями сторон о порядке ненасильственного выхода из кризиса и преодоления конфронтации в Европе и мире. Ю.М. Батурин подчеркнул, что, хотя позиция России остается открытой для сотрудничества, однако она вправе предложить определенные условия для строительства отношений с НАТО: совместную выработку решений, касающихся европейской безопасности; совместную работу по выполнению этих решений; общую ответственность за эти решения и за результаты их выполнения².

Высказывались предложения о необходимости предпринять незамедлительные шаги по созданию альтернативных военных союзов в рамках СНГ и на южном направлении – в Азии и на Ближнем Востоке. Такой подход нашел отражение в одном из проектов военной концепции, представленной в 1996 году тогдашним министром обороны И.Н. Родионовым к годовщине принятия первой военной доктрины Российской Федерации 1993 года³. Генерал Родионов отмечал, что в результате расширения НАТО военные группировки блока окажутся в непосредственном соприкосновении с российскими войсками (Калининградский район) и тем самым увеличатся оперативные возможности ОВС НАТО, что позволит авиации блока достигать рубежей Смоленск – Брянск – Курск и Петрозаводск – Ярославль – Белгород. И.Н. Родионов указал, что в этом случае, тактическое ядер-

¹ Лебедь А.И. Глобальная политическая инсценировка // Независимое военное обозрение. – 1996, 16 мая.

² Батурин Ю.М. У России есть свои идеи, как можно было бы трансформировать Североатлантический альянс // Независимая газета. – 1996, 28 ноября.

³ Родионов И.Н. Какая оборона нужна России // Независимое военное обозрение. – № 22. – 1996, 28 ноября.

ное оружие, имеющееся в Европе, на практике становится стратегическим, что ставит под угрозу договоры СНВ-1, СНВ-2, возможность заключения договора СНВ-3.

Глава военного ведомства предложил принять следующие адекватные меры: пересмотреть отдельные ключевые положения военной доктрины России с учетом изменившейся обстановки; предпринять усилия по созданию альтернативного оборонительного военного союза с включением не только стран СНГ, но и других государств; не исключать возможность усиления южной, западной и северо-западной группировок войск, невзирая на Договор об ограничении обычных вооружений в Европе; начать наращивание тактического ядерного оружия на западных рубежах. Не исключать возможности перенацеливания ракет на некоторые европейские страны, вступившие в НАТО, особенно если эти страны позволят разместить на своей территории ядерное оружие альянса; отказаться от соблюдения обязанностей, взятых по договорам о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ).

Еще раньше отдельные эксперты заявляли о том, что России не следует дожидаться факта расширения альянса, а надо принять предупреждающие меры и создать условия, при которых Запад вынужден будет серьезно задуматься над возможными издержками своих действий. Предлагалось принять дополнительные меры ядерного сдерживания НАТО, не идя на разрыв договоров по РСМД и СНВ-1, вернуть в войска тактическое ядерное оружие наземного и морского базирования, дезактивированного в рамках односторонних (не оформленных договором) инициатив Буша-Горбачева 1991 года, принять на вооружение новый оперативно-тактический ракетный комплекс и ракеты авиационного базирования¹.

Сходную позицию занимали и отдельные военные руководители, считавшие, что в условиях расширения НАТО, когда она не ослабляет своих военных функций, а ее членами становятся ближайшие соседи России, не должна исключаться возможность создания оборонного союза на базе СНГ. Например, генерал-лейтенант

¹ См., например: Фролов В.Л. Двусмысленная политика // Независимая газета. — 1995, 18 ноября.

Л.Г. Ивашов приводил следующие аргументы для обоснования целесообразности создания оборонного союза на базе СНГ:

— существует необходимость отражения трех видов угроз: внешних (НАТО, южное направление), внутри СНГ (территориальные вопросы, экономические проблемы, этнические конфликты), внутренних угроз в каждом из субъектов СНГ;

— оборонный союз стран СНГ может стать военной основой евро-азиатской системы коллективной безопасности, которая будет опираться в основном на мирные средства, для решения таких задач, как поддержание дружеских отношений со странами дальнего зарубежья, партнерство с другими региональными системами безопасности, выполнение политико-правовых обязательств по обеспечению мира, развитие сотрудничества в военной области и в области миротворчества, кооперацию военного производства, совместные меры по конверсии, регулирование отношений на рынке вооружений и т. д.;

— создание евро-азиатской системы безопасности не исключает сотрудничества и координации действий с евроатлантической системой, предлагаемой США. Можно приступить к формированию общего поля безопасности от Атлантики до Тихоокеанского побережья;

— создание евро-азиатской системы безопасности важно для поддержания стабильных отношений России с южными соседями (Иран, Китай), которые не войдут в НАТО. Формирование оборонного союза на базе СНГ позволит России развивать сотрудничество со своими соседями в области безопасности независимо от Запада. Это позволит ей отодвинуть опасность от своих границ¹.

Проблема взаимодействия России с различными странами по периметру границы в решении вопросов безопасности, оформление действующих, а не декларативных договоров в сфере безопасности не решались в полном объеме². В ряде работ обсуждалась идея пересмотра российского подхода к заключению договоров для решения проблем безопасности и обороны. Отмечалось, что неприемлемо создание агрессивных или явно антинаатовских военно-политических союзов, но не отрицалась возможность подписания двусторонних и многосторонних военных и военно-политических

¹ Ивашов Л.Г. Россия должна отодвинуть опасность от своих границ // Сегодня. — 1995, 30 сентября.

² Мальгин А.В. К обеспечению региональной безопасности в СНГ / Россия и международные режимы безопасности. — М., 1998. — С. 30-40.

соглашений и/или создания альянсов оборонительного характера в регионах с повышенной степенью нестабильности.

Теоретические аспекты формирования политики безопасности России были проработаны авторитетным специалистом по безопасности В.И. Кривохижей. Он сформулировал подход, согласно которому, в военно-политической сфере для взаимодействия России со странами СНГ соответствовал бы строго дифференцированный подход, учитывающий ее реальную заинтересованность в укреплении военных связей с каждой из этих стран. По мнению политолога, двусторонняя модель не исключала коллективных усилий и способов по решению политических и военных проблем, когда будет синхронизирована заинтересованность стран из состава СНГ по конкретным сферам деятельности, появится реальная перспектива согласования многосторонних усилий, т.е. формирования именно Содружества Независимых Государств, а не воссоздания подобия СССР¹.

Такая модель не была чем-то новым, двусторонние соглашения и особые отношения существовали и в рамках НАТО, однако, США усматривали в любых инициативах Российской Федерации по созданию договорной и институциональной базы в сфере безопасности в рамках СНГ и на других направлениях (КНР) как «средоточение российской мощи» и «возрождение российского экспансионизма».

С.В. Кортунов выразил аналогичную мысль в более категоричной форме: «Конечно, соседи России вряд ли представляют для нее военную опасность. Однако по ряду стратегических, финансовых и других причин Москва предпочла бы заключить с ними новые соглашения в области военного сотрудничества на многосторонней или двусторонней основе... Россия будет решительно выступать против участия новых государств в любом военном союзе, членом которого она сама не является, а также против использования третьей стороной военных объектов этих стран»².

Ал. А. Громыко также признал бесспорным фактом наличие геополитических интересов у России на просторах СНГ. Поэтому

¹ Кривохижа В.И. Россия в новом мире: время решений. — М., 1997. — С. 165-166.

² Кортунов С.В. Кризис партнерства // Независимая газета. — 1996, 12 января.

попытки противостоять России в ее стремлении к созданию демократического и взаимовыгодного союза членов СНГ, по его мнению, должны были дипломатически пресекаться. Он высказал убеждение, что без упорядочения геополитического пространства СНГ, его «осколки превратятся в игровые фигуры других мировых центров», подчеркнув, что России не следует забывать о своей принадлежности к Европе и Азии и отстаивать стратегические интересы в обеих частях света. В этой связи, по его мнению, особое значение приобретали военно-политические и экономические отношения с Ираном, Китаем, Японией, Индией и другими восточными странами, а проблема расширения НАТО должна рассматриваться в увязке с интересами безопасности России в АТР и на Ближнем Востоке¹.

Идея создания военного блока из стран – участниц СНГ и отдельных стран Ближнего Востока и Азии и формирование тем самым неприемлемой угрозы Западу не получила широкой поддержки среди российских военных и гражданских стратегов. Отмечалось, что весьма проблематично создание такого блока в условиях, когда государства СНГ не располагают достаточным военным потенциалом и большинство из них не желают вступать в подобный блок; негативные последствия создания военных блоков с участием стран Ближнего Востока (Иран, Ирак) и Азии (Китай, Индия) могут перевесить позитивные факторы от формирования указанных альянсов.

Генерал Лебедь высказал мнение, что России не следует подыгрывать руководству НАТО, создавая «гипотетический оборонительный блок вокруг России», так как это будет «хилой пародией на Организацию Варшавского договора», но позволит НАТО оправдать свое существование и огромные финансовые затраты. По мнению генерала, Россия, никому не угрожая, должна реформировать армию, сделать ее высокопрофессиональной и боеспособной, если потребуются усовершенствовать ядерные силы, как наиболее дешевый вид сдерживания, продавать запчасти к боевой технике советского производства только тем странам, которые «не станут искать счастья в рамках НАТО», использовать для политического давления экономическую мощь².

¹ Громыко Ал. А. Геополитика сегодня и завтра. У России пока нет ясной концепции национальных интересов // Независимая газета. – 1996, 19 сентября.

² Лебедь А.И. Указ. соч.

Российские политологи в своем большинстве заявили о том, что расширение НАТО это свидетельство того, что Запад ведет себя как победитель, Россия выталкивается из Европы, создается угроза изоляции России, имеющей жизненно важные интересы и в Европе, и в Азии. Отмечалось, что расширение НАТО имеет негативные последствия не только для России, но в целом для мирового сообщества. Речь шла о том, что гарантии безопасности вновь принятым в альянс странам и оборона существенно расширяющейся территории при сокращении всех западноевропейских армий могли быть обеспечены только за счет большей опоры на американские ядерные гарантии в Европе. По мнению ряда политологов, результатом процесса расширения, который они определили как «натомания» на Западе, могла стать «нюклеризация» подходов к обеспечению европейской безопасности¹.

Было очевидно, что лучшим ответом на расширение альянса были конструктивные предложения по диалогу с Европой и США, последовательная позиция МИД РФ и правительства России, в перспективе — разработка собственной концепции международной безопасности России, которая была бы более привлекательной для всех партнеров России в Европе и в Азии.

Россия была заинтересована в сохранении присутствия в Европе, поэтому она продолжала отстаивать идею о повышении роли и расширении функций ОБСЕ, об усовершенствовании деятельности ООН, о постепенной трансформации НАТО в политический союз с уменьшением масштабов его военной деятельности. Отмечалось, что модель европейской безопасности должна в той или иной форме опираться на все международные организации, действующие в сфере безопасности в Европе, — ООН, ОБСЕ, Совет Европы, НАТО (в совокупности с «Партнерством во имя мира»), ЕС, дополненное ЗЕС, а также СНГ. Сторонники создания новой системы европейской безопасности на основе ОБСЕ отмечали, что заинтересованность стран Западной Европы в усовершенствовании и развитии этой модели, где интересы России могут быть учтены в более полном объеме, определялась их большей, чем у США, зависимостью от мирного и стабильного развития событий в постсоветских государствах.

¹ Коновалов А.А., Картунов А.В., Ознобищев С.К. Нищета «натомании» // Независимая газета. — 1996, 20 марта.

С.М. Рогов выделил три возможные варианта развития отношений между Западом и Россией¹:

1. Сворачивание антинаатовской риторики, признание своего поражения в холодной войне и полного господства Запада в Европе. Смирившись с расширением НАТО, Москва может заслужить «примерным поведением» принятие в западное сообщество через 30-50 лет. Такой подход окончательно лишит Россию роли великой державы в мире.

2. Конфронтация с Западом, сколачивание военного союза из бывших советских республик, поиски союзников на Востоке и Юге, отказ от ратификации Договора СНВ-2, разрыв Договора ОВСЕ, размещение ядерного тактического оружия на западной границе. Такая политика была бы возможной только в случае максимальной мобилизации экономики России, сворачивания реформ, перехода к жесткому авторитаризму в управлении страной.

3. Гибкая дипломатия, которая позволит хотя бы в минимальной степени обеспечить интересы безопасности страны в Европе. Таким шагом может стать подписание договора между Россией и НАТО, создание механизмов взаимодействия в рамках разумного компромисса.

Россия избрала последний путь — в Париже 27 мая 1997 года был подписан основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора, началось создание институциональной базы взаимодействия. Его подписание было расценено российской внешнеполитической элитой как определенная победа российской дипломатии в достаточно неблагоприятных для страны условиях. С.М. Рогов заметил в этой связи, что до прихода в МИД РФ Е.М. Примакова, который подключил к процессу выработки внешнеполитической стратегии России, в том числе по вопросу о НАТО, специалистов из академических институтов, аргументы и возражения России никто не хотел слушать. Подписание акта и начало активной дипломатической деятельности России на других направлениях — в Азии и на Ближнем Востоке, в странах СНГ, в Европе позволили говорить о

¹ Рогов С.М. Запад ведет себя как победитель // Независимая газета. — 1997, 26 февраля; Его же. Нас выталкивают из Европы // Век. — 1996, 25-31 октября.

том, что Россия начинает вести себя как крупная мировая держава, отстаивающая свои национальные интересы.

Подписание двустороннего документа позволило России и США на время сгладить существовавшие противоречия и различия в подходах к решению проблем безопасности, обеспечило Российской Федерации возможность продолжить переговорный процесс и сохранить свое присутствие в Европе и вовлеченность в формирование нового европейского порядка. Однако разногласия между США и Россией сохранились, что находило отражение не только во взаимодействии на государственном уровне, но и в диалоге-споре двух элит.

У российских политиков и экспертов осталась неудовлетворенность создавшейся ситуацией, мнения разошлись. Одни эксперты оценили Основопологающий акт как «выполнение программы-минимум», уменьшение угрозы для Российской Федерации. Отмечалось, что документ содержит важные положения, свидетельствующие о возможности трансформации НАТО, превращения ее в более «мирный» альянс с усиленными политическими и миротворческими функциями, с усиленным европейским компонентом — ОБСЕ, как универсальной организации общеевропейской безопасности¹.

Политолог В.П. Калашников оценил подписание Основопологающего акта по-иному. Он указал на то, что политика Запада с момента распада СССР была направлена на закрепление новой расстановки сил, в которой России отводилась роль ассоциированного члена при западном «клубе», снизился ее статус в сравнении с ялтинско-потсдамской системой. Дальнейшее разрушение ключевых компонентов этой системы и замена ее трансатлантической системой, предлагаемой США, было чревато, по мнению В.П. Калашникова, не только военными и политическими, но и правовыми и институциональными рисками, было бы ошибкой переоценивать значение договора, так как стопроцентных гарантий своей безопасности России от НАТО не получила².

¹ Горностаев Д. Москва выполнила программу-минимум // Независимая газета. — 1997, 22 мая.

² Калашников В.П. Правовое измерение безопасности // Независимая газета. — 1997, 22 мая.

Депутат Госдумы Р.Г. Абдулатипов усмотрел в продвижении евроатлантической модели стремление сократить возможное пространство усиления влияния России, когда она встанет на ноги: «Исторически Россия – мощная внешнеполитическая держава, и расширение НАТО на восток однозначно обрекает Россию на поиски зоны своего влияния только на Востоке, на Запад Россия приглашается лишь в гости, как бедный и непредсказуемый сосед»¹.

Сходные опасения высказывал политолог И.Ф. Максимычев, выступавший с резкой критикой политики США. Он отмечал, что НАТО – единственное из действующих в Европе международных объединений, в котором для России, как для равноправного партнера, места нет и никогда не будет. Их «мирное сосуществование» было возможно, пока НАТО ограничивалась ролью, для которой она была создана и на которую ее в период холодной войны обрекала наступательная мощь СССР, – обеспечение стабильности в Западной Европе. В тот момент, когда НАТО приступила к военной интеграции Европы без России, более того – против России, наметился неизбежный острый антагонизм между ними в будущем. Согласно точке зрения И.Ф. Максимычева, натовская стратегия сдерживания России требовала ответа в форме сдерживания НАТО, что, однако, не должно принимать форму открытого конфликта, так как это не может помочь российской политике преодолеть затяжную полосу бессилия и неудач во всех областях внешней политики. Любое обострение российско-натовских отношений будет использовано во вред России, для ее изоляции и отсечения от интеграционных процессов Европы. По мнению политолога, строить свою линию поведения Россия должна так, чтобы вести дело к созданию основ для Большой Европы, что возможно лишь в условиях отсутствия конфронтации с альянсом, развития конструктивного сотрудничества с НАТО, партнерских отношений с западноевропейскими странами, прежде всего ФРГ – неформальным лидером Западной Европы, а также с Францией и Англией. Только в этом случае Россия окажется в состоянии минимизировать ущерб для своих долгосрочных интересов вследствие расширения НАТО².

¹ Абдулатипов Р.Г. НАТО и демократия это не одно и то же // Независимая газета. – 1997, 22 мая.

² Максимычев И.Ф. Угрозы безопасности России, связанные с началом расширения НАТО (внешнеполитические аспекты). – М., 1998.

Не все были согласны с такой оценкой сложившейся ситуации. Так, политолог С.В. Соколов отмечал, что интеграция России и НАТО целесообразна для обеих сторон. С одной стороны, сохранение полной самостоятельности России и НАТО будет мешать объединению Европы в одном цивилизационном пространстве, а значит и стабильности в мире. С другой стороны, цивилизационная европейская самобытность России не допускает ее вхождения в НАТО. Данное обстоятельство будет благоприятствовать сохранению цивилизационной самобытности России внутри Европы и усилению в ней национально-патриотических настроений и тенденций. По мнению С.В. Соколова, главная идея Основополагающего акта состояла в том, что «Россия и НАТО не рассматривают друг друга как противники» и, что «общей целью России и НАТО является преодоление остатков прежней конфронтации и соперничества и укрепления взаимного доверия и сотрудничества».

Признание факта расширения НАТО, желание закрепить позиции в новой системе безопасности, по мнению С.В. Соколова и отдельных либеральных политологов, предполагало, что Россия отойдет от роли сверхдержавы, перестанет быть центром околодержавного мира, состоящего из других стран, и станет частью демократического европейского мира во главе с США. Это означает, что Россия отказывается быть центром притяжения Евразийского союза, предложенного Н.А. Назарбаевым, а Украина, Беларусь и другие постсоветские страны должны встать на путь вхождения в объединенную Европу, только при условии учета интересов России, отказа Запада от привычки рассматривать ее в качестве агрессивной державы. В противном случае, для России остается один путь — стать ядром Европейско-Азиатского Союза (ЕАС), что предполагает поддержку со стороны Китая и отвечает концепции многополюсного мира, согласно которой Россия будет одним из его полюсов вместе с другими мировыми державами¹.

Оформление отношений России и Североатлантического альянса не было ни победой, ни неудачей российской дипломатии. Это было признанием Россией факта расширения блока, невозможности остановить этот процесс, необходимости поиска вы-

¹ Соколов С.В. Партнерство с НАТО в свете геополитического, формационного и цивилизационного кризиса России /Россия, НАТО и новая архитектура безопасности в Европе. — Н. Новгород, 1998. — С. 171-180.

хода из ситуации с минимальными потерями. России также пришлось признать тот факт, что происходила модификация существовавшей системы международной безопасности по американской модели. Было очевидно, что время упреков и критики прошло, наступил период принятия решений и выработки стратегии на XXI век. Была высказана мысль, что расширение НАТО — это своего рода игра, за которой стоят более глубокие процессы: объединение континентальной Европы, перегруппировка сил внутри западного сообщества, формирование многополюсного мира.

Один из выводов, который сделали российские аналитики в 1997 году, состоял в следующем: происходящие в мире процессы оставляют России достаточно широкое поле для внешнеполитического маневра. Основополагающий акт проблеме исторического единства России и Запада не снимает. Этот шанс может быть реализован, если Запад не будет стремиться решить свои проблемы за счет России. У России имеются возможности для реализации внешней и военной политики.

Главная задача — реализовывать их в соответствии с интересами России, в которые, по определению российских политологов, входит следующее: целостность и стабильность государства, продолжение реформ, обеспечение безопасности российских границ, способность отражения внешних угроз и агрессий, необходимость развивать конструктивные отношения на Западе и на Востоке, отдавая приоритет странам СНГ, Европе, отдельным странам АТР (Китай, Индия, Япония) и Ближнего Востока (Иран) и сохраняя неконфронтационными отношения с США. Что касается НАТО, то в качестве наиболее приемлемого варианта предлагалось, используя «парижские наработки», наращивать сотрудничество с НАТО, отстаивая национальные интересы, увеличивая возможности влиять на европейские и международные процессы, трансформировать НАТО на выгодных России условиях и создавать предпосылки для вступления России в обновленную евроатлантическую организацию¹.

Большинство российских политологов, независимо от их отношения к США и НАТО, считали, что конфронтация с Западом неприемлема для России, что необходимо искать пути взаимодействия в неблагоприятных для страны условиях.

¹ Кортунов С.В. Варианты постмадридской стратегии // Независимая газета. — 1997, 26 июня. Его же: Россия и НАТО: время решений // Независимая газета. — 1997, 13 февраля.

Постмадридская стратегия России

По оценкам российских политологов, подписание основополагающего акта ослабило напряжение в двусторонних отношениях, достигнутый компромисс позволил обеим сторонам «спасти лицо», не меняя в принципе своих фундаментальных установок и видения друг друга, но надежды России на извлечение выгоды из двустороннего компромисса не оправдались. Ю.П. Давыдов отмечал в связи с этим следующее: «Партнерство России и НАТО развивается ныне главным образом на вершущечном уровне и сводится к констатации общих истин, против которых трудно что-либо возразить, но которые редко содержат созидательную программу и новые идеи»¹. Назвав отношения России и НАТО «вершущечным сотрудничеством», автор справедливо указал на то, что структурное оформление отношений пошло по традиционному пути, свойственному военной бюрократии обеих сторон, началось создание параллельных отдельных структур (и правил) вместо стыковки существовавших военных структур, концепций, нормативной базы. По мнению Ю.П. Давыдова, наметилось появление двух и более организационных структур НАТО: одна для выполнения основных функций союза, другая — для осуществления представительских функций, демонстрации сотрудничества с Россией. Вместе с провозглашенным стремлением к транспарентности, продолжала расти взаимная подозрительность.

У России и США сохранялось разное видение будущей структуры европейской и международной безопасности. Россия настаивала на том, чтобы в ее основе были ОБСЕ и ООН, а Соединенные Штаты и страны Запада решили, что поддержание стабильности и безопасности в Европе и в мире может быть обеспечено только при условии, что главными институтами станут НАТО и ЕС. Российские внешнеполитические специалисты считали, что в становлении новой системы международной безопасности должны принять участие и Россия, и НАТО, и ОБСЕ, и Совет Европы, и Европейский Союз, и программа «Партнерство во имя мира», и Совет евроатлантического партнерства, должны быть использованы Договор о сокращении обычных вооружений в Европе, Соглаше-

¹ Давыдов Ю.П. Россия — НАТО: в поисках перспективы //США*Канада: экономика, политика, культура. — 1999. — № 1. — С. 23.

ние по мерам доверия и т.п., которые в совокупности и создают структуру европейской безопасности. Указывалось на необходимость создавать не единую многоярусную машину, сверху кем-то или чем-то управляемую, а обозначить строгое разделение ответственности, обязательств между функционирующими в этой сфере организациями, чтобы каждая из них заняла свою нишу, взаимодействовала бы с другими, дополняя их усилия¹.

Хотя Россия продолжала отстаивать значимость роли ОБСЕ в обеспечении международной безопасности подчас более активно, чем другие члены этой организации, ее позиции в европейских структурах были довольно уязвимыми и слабыми, она постоянно подвергалась нападкам и критике со стороны Совета Европы (то ей постоянно угрожали исключением из-за нарушения прав человека в Чечне, то ее имущество арестовывалось во Франции, то проводились расследования коррупции в России и т.п.), она имела лишь номинальное членство в Группе восьми, по отношению к ней были критически настроены страны ЦВЕ, выступавшие категорически против принятия России в НАТО, российская позиция не была учтена при проведении операции в Косово, у России не было шансов вступить в ЕС и т.д. Не могла она оказать и какое-либо существенное влияние на политику НАТО — пожелания того, чтобы она стала политической организацией, были нереальны. Сотрудничество с НАТО в условиях, когда США вели себя как гегемон и не собирались придерживаться равноправных партнерских отношений с Россией, было возможно только при условии, что Россия поступится своей независимостью во внешней политике, прежде всего отношениями с соседними государствами (СНГ, КНР, Иран), ограничит свой геополитический статус, что было для нее неприемлемо.

В 1999 году была обнародована новая стратегия НАТО, свидетельствующая о том, что происходит формирование новой, расширенной зоны ответственности Североатлантического альянса. Понятие «зона ответственности» у стратегов НАТО получило более широкое толкование: расширение происходило по горизонтали, охватывая территории, выходящие за рамки государств — членов альянса, и по вертикали, включая новые сферы активности. В разряд угроз альянсу были отнесены этнические

¹ Давыдов Ю.П. Россия — НАТО: в поисках перспективы. — С. 25-26.

чистки и связанные с этим конфликты (гражданская война) и их последствия (беженцы, болезни, терроризм, мафия и т.д.), а в зону ответственности вошла практически вся Европа, включая Россию и европейские постсоветские государства.

Как отмечал политолог Д.Ю. Глинский-Васильев, расширение НАТО на Западе с самого начала рассматривалось в трех ракурсах: расширение «миссии» (т.е. целей альянса, зафиксированных в Североатлантическом договоре как чисто оборонительные), расширение «зоны ответственности» и расширение состава. Расширение состава альянса было сугубо региональной проблемой, создающей трудности прежде всего для России и не имеющей непосредственного значения для третьих стран, в то время как расширение миссии и зоны ответственности альянса было проблемой не только общеевропейской, но и глобальной безопасности¹.

Российские политики, высказывавшие недовольство деятельностью НАТО, ее тенденцией к глобальному регулированию со стороны США, отказом уважать суверенитет национальных государств вплоть до вмешательства во внутренние дела (гражданская война, внутренние конфликты), не всегда отдавали себе отчет в том, что это происходило, в том числе, и с одобрения СССР и России в период, когда Советский Союз и затем Российская Федерация придерживались ориентации на равноправное партнерство с Западом.

Ю.П. Давыдов справедливо заметил, что поддержка СССР акции «Буря в пустыне», голосование России в СБ ООН за принятие по Боснии всех мер, включая силовые, участие в выработке Дейтонских соглашений, присутствие в военном контингенте в бывшей Югославии — все это способствовало закреплению силовой модели урегулирования конфликтов, предложенной США и НАТО, и означавшей расширение зоны ее ответственности при участии в этом процессе России. Политолог также выделил следующие факторы, свидетельствовавшие о смене вех в стратегии НАТО: не только территориальное расширение зоны ответственности, но и идейное — расширение зоны демократии, приверженность единым западным ценностям и готовность НАТО их защищать и продвигать; присоединение стран с переходной

¹ Глинский-Васильев Д.Ю. Расширение НАТО на восток как проблема российской и европейской безопасности /Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в XXI век. — М., 2000. — С. 101-131.

идеологией (страны ЦВЕ); расширение диапазона и характера угроз США и их союзникам по НАТО¹.

Надежды России на то, что Босния станет особым случаем, и в дальнейшем будут проводиться консультации по каждому отдельному случаю, оказались беспочвенными. Бомбардировки Сербии в 1999 году в защиту интересов этнических албанцев без одобрения СБ ООН, вопреки мнению России, Франции и Китая, показали, что был создан прецедент по использованию военной силы и произошло реальное расширение зоны ответственности НАТО. Как отметил американский публицист Дж. Маркус, операция в Косово подтвердила, что произошло изменение в ориентации деятельности НАТО, которая будет защищать не территорию своих членов и союзников, а западные (американские) ценности в том случае, если они нарушаются другими странами².

Достаточно пессимистическими были прогнозы некоторых российских военных — для них весь процесс расширения альянса и особенно принятие новой стратегии были свидетельством необратимости процессов в сфере безопасности, на которые у России оставались слабые рычаги воздействия.

Генерал Л.Г. Ивашов писал, что пора отказаться от иллюзий былого величия и признать, что современная Россия по совокупности геополитических и экономических показателей не является великой державой глобального уровня и может претендовать лишь на роль великой державы регионального уровня. Взаимоотношения России и Запада все более усложняются. Внешние угрозы территориальной целостности Российской Федерации сохраняются. Запад стремится изолировать Россию, противопоставить ее не только странам СНГ и Балтии, но и Восточной Европе, построить новый европейский порядок без нее и против нее. Логическим продолжением этой политики стало расширение НАТО на восток и разрыв постсоветского геополитического пространства. Несмотря на периодические заверения в партнерских отношениях и высокую оценку роли России в общей системе между-

¹ Давыдов Ю.П. Расширение зоны ответственности Атлантического мира //США*Канада: экономика, политика, культура. — 2000. — № 3. — С. 12-30.

² Marcus J. Kosovo and After: American Primacy in the Twenty-First Century //The Washington Quarterly. — Vol. 23. — № 1 (Winter 2000). — P. 79-94.

народной безопасности, эта политика в перспективе может привести к конфронтации с НАТО¹.

Негативное отношение к расширению НАТО у российской элиты сохраняется. В 2001 году президент РФ В. В. Путин вновь заявил, что до тех пор, пока НАТО остается военной организацией, у России будет возникать вопрос о том, зачем она расширяется к границам Российской Федерации и насколько это оправданно. В этом же году президент США Дж. Буш подчеркнул, что Россия не рассматривается Америкой в качестве врага, однако подтвердил предвыборные обещания по расширению НАТО, заявив о возможном приеме стран Балтии, и по началу работ над НПРО – в нарушение Договора по ПРО 1972 года. Это свидетельствовало о том, что подходы России и США к проблемам безопасности продолжали существенно расходиться, но при этом стороны сохраняли стремление к продолжению взаимодействия.

В 2000 году центральное место в дискуссиях занял вопрос о противоракетной обороне. В случае неудачи российско-американского диалога, российские стратеги предсказывали кардинальные изменения в международной договорной сфере, утрату Россией последней возможности оказывать влияние на формирование системы европейской (а значит и международной) безопасности после неудачных попыток затормозить расширение НАТО. Россия заявляла о том, что выход США из Договора по ПРО 1972 года вынудит ее отказаться от договоров СНВ-1, СНВ-2 и других договоров (всего более 30), что может разрушить договорную базу в области контроля над вооружениями, приведет к новой гонке вооружений в мире, к ухудшению ситуации с режимом нераспространения ядерного оружия.

Выход США из Договора 1972 года был весьма вероятен, поэтому, чтобы компенсировать негативные последствия такого шага для России, российские военные и гражданские эксперты предлагали достичь соглашения в области сокращения вооружений (СНВ-3). С.М. Рогов выступил с идеей договориться с США об установлении общего потолка для боеголовок на межконтинентальных баллистических ракетах (МБР) и баллистических ракетах подводных лодок (БРПЛ) в 1000 единиц, что существенно (в 5-6 раз)

¹ Ивашов Л.Г. Вашингтонская стратегия НАТО // Военно-исторический журнал. – 2000. – № 1. – С. 3-12.

ослабило бы способность США в синхронизированном ударе поразить большинство стратегических целей на территории России. С.М. Рогов считал возможным и желательным в рамках СНВ-3 установить количественные ограничения на стратегические баллистические ракеты всех типов, например, договориться о том, что количество МБР и БРПЛ не должно превышать 500 единиц, а на ракете любого типа не может быть установлено более трех боеголовок. Это, в отличие от Договора СНВ-2, запрещающего МБР с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН), позволила бы рассматривать дорожно-мобильную МБР, как и БРПЛ, в качестве «стабилизирующей» системы. В результате Россия получила бы право на проведение испытаний МБР «Тополь-М» с 3 РГЧ ИН. По мнению политолога, наличие общего потолка для боеголовок на МБР и БРПЛ позволило бы каждой стороне самостоятельно определять состав своих стратегических ядерных сил. В случае отмены ограничений для РГЧ ИН на мобильных МБР российские стратегические ядерные силы (СЯС) в 2010 году могли бы состоять из примерно 200-300 МБР и 200 БРПЛ. С.М. Рогов высказал убеждение в том, что без такой договоренности Москва не должна идти на модификацию Договора по ПРО¹.

Многие военные и гражданские эксперты сходились во мнении, что для защиты интересов национальной безопасности России, нельзя идти на односторонние уступки, надо добиваться того, чтобы комплекс договоренностей по СНВ-3 и ПРО не выходил за рамки принципов взаимного ядерного сдерживания. По их прогнозам, только в более отдаленной перспективе, к 2010 году, могут сформироваться политические и экономические предпосылки для отказа от взаимного ядерного сдерживания на основе учета интересов безопасности обеих сторон и при переходе к отношениям на основе принципов взаимной безопасности. Отдельные специалисты предлагали продумать комплекс военно-политических шагов, призванных удержать Соединенные Штаты от одностороннего решения о развертывании НПРО в нарушение Договора по ПРО 1972 года. Помимо дипломатических инициатив предлагалось заявить о решимости принять меры по эффективному наращиванию

¹ Рогов С.М. Соперничество или сотрудничество? Новые подходы к СНВ // Свободная мысль. — 2000. — № 10. — С. 25-33.

российских СЯС в случае отказа Вашингтона от совместного поиска компромиссных решений по пакету СНВ – ПРО.

В частности, предлагались следующие возможные меры:

– заявить, что размещение Соединенными Штатами высокоточного оружия на территории вновь принятых членом НАТО наряду с размещением ядерного оружия будет рассматриваться как основание для выхода из Договора СНВ-2;

– осуществить наращивание своего стратегического потенциала в случае недостижения договоренности с США;

– выйти из действующего Договора СНВ-1 (при его заключении советская сторона сделала одностороннее заявление, резервирующее такое право в случае нарушения или выхода США из Договора по ПРО) и отказаться от подписанного Договора СНВ-2 (в законе о ратификации Договора СНВ-2, принятом Государственной думой, было аналогичное положение);

– возложить на США ответственность за последствия одностороннего выхода из Договора по ПРО, развернув пропагандистскую кампанию, организовав мощное международное давление на Соединенные Штаты со стороны государств, выступающих за сохранение Договора по ПРО в его неизменном виде, прежде всего Китая, а также попытаться привлечь на свою сторону союзников США – Великобританию и Францию, ядерные арсеналы которых в случае начала гонки оборонительных вооружений могут резко обесцениться;

– осуществить программу испытаний комплекса «Тополь-М» с РГЧ ИН.

Однако большинство специалистов в области безопасности считали, что для России неприемлема жесткая ультимативная позиция и предъявление требований США, с которыми они вряд ли посчитаются. Как показала антинатовская кампания в России в 1995 – 1997 гг., излишне эмоциональные угрозы, не подкрепленные реальными возможностями России их выполнить, не имели большого эффекта, не оказали влияния на политику США. Политологи отмечали, что в случае с ПРО вряд ли можно ожидать, что России удастся организовать широкомасштабную международную кампанию, направленную против ее развертывания, в силу ограниченных возможностей России и резкого ослабления ее международного влияния. Провал попыток России приведет к тому, что перед лицом неизбежности развертывания НПРО и выхода США

из Договора 1972 года России придется в срочном порядке согласовывать поправки к нему, которые будут продиктованы Соединенными Штатами. В противном случае для реализации угроз Россия будет вынуждена снять все ограничения на наступательные и оборонительные стратегические системы, что объективно развяжет руки США и они получат полную свободу действий во всех сферах военного строительства. Для России при отсутствии реальных перспектив для резкого выхода на качественно новый уровень развития экономического потенциала такая перспектива могла бы означать окончательное скатывание в разряд стран третьего мира¹.

Сторонники компромиссного подхода к решению проблемы Договора по ПРО рекомендовали следующие шаги:

– Россия сохраняет за собой политический статус равноправного с США партнера в сфере ограничения и сокращения стратегических вооружений, удерживая этот статус через построенную за десятилетия послевоенного развития и существующую в настоящее время систему двухсторонних и многосторонних соглашений в этой области;

– пойдя на принятие поправок к Договору по ПРО и тем самым сохранив основные ограничения этого документа, Россия фактически сможет предотвратить наиболее опасный путь развития средств вооруженной борьбы, а именно, вывода оружия в космическое пространство;

– выразив готовность обсуждать поправки к Договору по ПРО, Россия получает возможность в определенной степени повлиять на планы США по созданию и развертыванию системы НПРО, удержать ее в рамках возможных поправок. Иными словами, возможная структура системы ПРО США в этом случае диктовалась бы именно характером возможных поправок к Договору по ПРО, на которые Россия готова была бы пойти, а не техническими, военными и другими факторами, как в случае принятия решения о развертывании ПРО территории США до согласования соответствующих поправок к Договору по ПРО. В таком случае (если время будет упущено) не исключен вариант, что США предложат поправки к Договору по ПРО исходя, прежде всего, из

¹ Савельев А.Г. Политические и военно-стратегические аспекты договоров СНВ-1 и СНВ-2. – М., 2000. – С. 134.

уже принятых планов развертывания своих оборонительных систем, а не сохранения базовых принципов Договора по ПРО;

– у России появляется шанс «разменять» свою готовность пойти на определенные уступки в отношении Договора по ПРО на соответствующие уступки США по вопросу дальнейшего сокращения стратегических вооружений сторон в рамках договора СНВ-3, предложив взаимовыгодный «размен» поправок к Договору по ПРО с исправлением недостатков, допущенных в Договоре СНВ-2, в новом Договоре СНВ-3.

Российскими политиками и внешнеполитическими экспертами вопрос о модификации Договора по ПРО 1972 года и подготовки Договора СНВ-3 рассматривался как часть кардинальных процессов, происходивших в мире и в сфере безопасности. Военная сила и силовые методы урегулирования международных и региональных проблем безопасности были положены в основу политики США и НАТО и активно использовались отдельными странами для решения внутренних проблем и в достижении внешнеполитических целей, происходил рост международного терроризма и нестабильности во многих регионах мира, включая даже благополучную Европу, наблюдалась тенденция к изменению существовавшей международной договорной и институциональной структуры, увеличилось число стран, обладавших ядерным оружием. В этих условиях ядерное оружие и стратегия ядерного сдерживания получили новый импульс, а инициативы второй половины 1980-х годов, направленные на отказ от опоры на ядерное оружие, постепенную его ликвидацию и демилитаризацию международных отношений, оказались отодвинутыми на неопределенную перспективу.

Отдельные российские стратеги заявили о вступлении в новый ядерный век. А.А. Кокошин, например, заявил следующее: «Если говорить о ядерном измерении системы международных отношений, то совершенно очевидно, что мы вступили во «второй ядерный век», который будет существенно отличаться от первого, начавшегося в 1945 году. Именно в ядерной сфере будет развиваться многополярность, правда, с существенными ограничениями. Весь комплекс сил и средств ядерного сдерживания останется сердцевинной военной мощи России, поскольку альтернативы ядерному сдерживанию на протяжении ближайших

50 лет, хотя и в модернизированном виде, с учетом специфики «второго ядерного века», не предвидится»¹.

А.А. Кокошин выделил следующие элементы российской политики ядерного сдерживания в дополнение к тому, что было сформулировано в Концепции национальной безопасности РФ и в Военной доктрине РФ:

1. России должна быть обеспечена гибкость и многовариантность угрозы применения ядерного оружия в случае угрозы жизненно важным интересам. С одной стороны, это увеличивает степень неопределенности для потенциальных противников, с другой стороны, даст России возможность в острой ситуации продемонстрировать решимость к применению ядерного оружия, которая остановит противника от дальнейшей эскалации. Необходимо отработать искусство «стратегического жеста», выстроить более многоступенчатую «лестницу эскалации» в применении эффекта ядерного сдерживания в конфликтных и кризисных ситуациях, затрагивающих жизненно важные интересы России.

2. Необходимо сохранить полную независимость всего российского потенциала ядерного сдерживания.

3. Средства сдерживания должны обеспечивать нанесение потенциальному противнику неприемлемого ущерба в любом варианте ответных действий. При этом расчет ущерба должен вестись исходя не только из первичных, но и вторичных и третичных последствий ядерных ударов, экологических, медико-биологических и прочих факторов.

4. Приоритетом в развитии сил сдерживания должно быть качественное совершенствование ядерных боеприпасов и средств их доставки, позволяющее обеспечить эффект сдерживания в отношении любого потенциального агрессора при значительно более низких потолках стратегических ядерных вооружений, меньшем количестве оперативно-тактического и тактического ядерного оружия; развитие способности к преодолению противоракетной обороны, в том числе с элементами космического базирования.

5. Необходимо выйти на новый уровень интегральности при еще большей компактности всей системы ядерного сдерживания. Российский потенциал ядерного сдерживания в оперативном и

¹ Кокошин А.А. Феномен глобализации и интересы национальной безопасности / Мир и Россия на пороге XXI века. Вторые Горчаковские чтения. МГИМО МИД РФ (23-24 мая 2000 г.). — М., 2001. — С. 10-34.

концептуальном отношении должен включать в себя все ядерные средства — стратегические, оперативно-тактические, тактические, а также системы предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства, средства стратегической разведки и пр. С сосредоточением вопросов оперативного управления в руках высшего руководства Минобороны и непосредственно Генштаба, с контрольными функциями в Совете безопасности Российской Федерации¹.

А.А. Кокошин выразил мнение тех экспертов, которые считают, что военная мощь России, за исключением союзнических отношений в рамках Договора о коллективной безопасности СНГ, должна быть полностью независимой, не входящей ни в какие другие коалиционные силы. Максимально независимыми должны быть силы и средства ядерного сдерживания — как собственно средства поражения, так и СПРН, а также деятельность в области ПРО. Работы по созданию совместных ПРО или СПРН с кем-либо за пределами СНГ автор считает контрпродуктивными (по крайней мере, на ближайшее десятилетие), сковывающими суверенитет России в военной сфере. По его мнению, в интересах России сохранить и укрепить режимы ограничения и сокращения вооружений на равноправной основе, режимы нераспространения оружия массового уничтожения и ракетных технологий, что потребует изобретательности и инициативы в этих вопросах, чтобы компенсировать слабость экономических, военных и политических позиций интеллектуальными усилиями и динамизмом.

Такая позиция обосновывалась тем, что ослабленное экономическое состояние России не позволит ей занять полноценное место в каких бы то ни было совместных программах по системам ПРО. Имелись в виду как предлагавшаяся российским руководством идея создания европейской ПРО совместными усилиями России и стран Европы в качестве альтернативы американской ПРО, так и предложения США поделиться с Россией отдельными планами программы НПРО и, возможно, подключить ее к созданию отдельных компонентов в обмен на

¹ Кокошин А.А. Феномен глобализации и интересы национальной безопасности. — С. 10-34. См. также по этому вопросу его статью: Ядерное сдерживание и национальная безопасность России //Мировая экономика и международные отношения. — 1999. — № 7. — С. 3-11.

ряд условий: полная прозрачность всех военных программ, отказ от торговли оружием и технологиями со странами Ближнего Востока, КНР и другими странами, не угодными США, отказ от противодействия американской политике и т.п.

Соображения, высказанные А.А. Кокошиным, не были чем-то новым: об этом писали российские ученые, к ней склонялись некоторые американские специалисты в области международных отношений — идея создания «нежестких» союзов содержалась в американской концепции «кооперационной безопасности». По мнению политолога, для экономии средств и сил, с учетом сложной и весьма неблагоприятной ситуации на границах Российской Федерации, следует отказаться от вступления в длительные глубокие союзнические отношения с кем бы то ни было — за исключением Беларуси и еще двух-трех стран СНГ — с перспективой образования единого союзного государства. Однако подчеркивается необходимость сохранения способности к очень быстрому формированию коалиций, квазиальянсов с различными партнерами под конкретные задачи, прежде всего экономические, так как борьба на мировых рынках за «место под солнцем» — это борьба через стратегическое партнерство, через различные альянсы — как государственные, так и негосударственные, а также смешанные¹.

О сложностях в осуществлении российской политики в сфере безопасности в XXI веке писал А.Г. Арбатов. Он выделил несколько серьезных проблем, стоявших перед Россией:

1. Как показала агрессия НАТО против Югославии в 1999 году, роль сил общего назначения в обеспечении национальной безопасности России будет расти, что не позволит существенно увеличить ассигнования на содержание и модернизацию стратегических ядерных сил.

2. На ядерный потенциал России возлагается не только военная задача — причинить агрессору какой-то материальный ущерб, а более широкая задача военно-политического сдерживания любого противника или комбинации противников как от ядерной агрессии, так и от широкомасштабной агрессии с применением только обычного оружия. В Военной доктрине РФ, принятой в мае

¹ Об этом помимо А.А. Кокошина писал В.И. Кривохижа в своей монографии «Россия в новом мире: время решений». — С. 123-148, 157-166.

2000 года, прописана концепция применения ядерного удара первыми в критической ситуации.

3. Сокращение ядерных сил США и России при продолжающемся распространении ядерного оружия может через 10-15 лет сделать арсеналы третьих стран в совокупности сопоставимыми с российскими СЯС. Нет ясности, как применять режим нераспространения, сокращения и ограничения ядерного оружия к третьим странам, как сделать переговоры по сокращению вооружений многосторонними.

4. Через 10-15 лет ряд стран, ранее уступавших СССР и РФ, приобретут превосходство в численности вооруженных сил. Это Китай, Япония (над российской группировкой на Дальнем Востоке), Индия, которые имеют в несколько раз больший военный бюджет, чем Россия. В настоящее время Россия сохраняет третье место по численности армии после Китая и США¹.

А.Г. Арбатов считал, что ввиду вероятного распространения ракетно-ядерного оружия, России, видимо, придется в обозримом будущем вкладывать большие ресурсы в ПРО ТВД для защиты административно-промышленных центров от ракет средней дальности и оперативно-тактического класса, угрожающих с юга и востока (чему не препятствовал Договор по ПРО 1972 года). По его мнению, чтобы добиться от США понижения уровней СНВ-3 до 1500 боеголовок и облегчения финансового бремени поддержания равновесия, России следовало пойти на расширение рамок Договора по ПРО и разрешить более чем один район базирования ПРО, предусмотрев меры сохранения российского потенциала сдерживания СЯС (через отмену запрета на наземные МБР с РГЧ). А.Г. Арбатов высказал мысль, отличную от той, которую выдвинул А.А. Кокошин, считая, что договоренность с США по стратегической ПРО и дальнейшему сокращению наступательных средств может открыть путь к созданию совместной ПРО театра России и остальных европейских государств с американским участием.

Новая Концепция национальной безопасности России была утверждена президентом РФ в январе 2000 года (предыдущая была принята в декабре 1997 года). В ней были зафиксированы измене-

¹ Арбатов А.Г. Национальная безопасность России в многополярном мире //Мировая экономика и международные отношения. — 2000. — № 10. — С. 21-28.

ния, происшедшие в международных отношениях, и были обозначены основные направления политики Российской Федерации в соответствии с новыми вызовами и угрозами с учетом новых параметров ее позиций в мире¹. Секретарь Совета безопасности РФ, а впоследствии первый гражданский министр обороны РФ, С.Б. Иванов дал следующее толкование необходимости принятия новой концепции: за последние годы, особенно в 1999 году (бомбардировки НАТО в Сербии), получили развитие процессы, связанные с вытеснением России из зоны ее традиционных интересов. Игнорирование ООН и ОБСЕ, позиции России и ряда других крупных держав (КНР) показали, что главная цель НАТО заключалась в том, чтобы обеспечить собственную безопасность и неоспоримое лидерство, основываясь на военном превосходстве².

С.Б. Иванов выразил не только официальную позицию России, но и мнение значительного большинства российской политической элиты, которая не поддерживала действия США в бывшей Югославии и выступала с критических позиций в отношении политики по расширению НАТО и утверждению военно-силовой модели в решении международных и региональных проблем. Поясняя позицию российского руководства, С.Б. Иванов отметил, что Россия готова решать самые сложные проблемы за столом переговоров на равноправной и честной основе, но не собирается становиться соучастником разрушения глобальной стратегической стабильности, неминуемого в случае развала Договора по ПРО, что выразится в следующем: 1) создание национальной ПРО связано с военным освоением космического пространства, а значит — с его милитаризацией; 2) оно связано также с существенными прорывами в области новейших и исключительно дорогостоящих военных технологий, а это неминуемо приведет к новой гонке вооружений невиданных масштабов, так как те, против кого создается национальная или региональная ПРО, будут искать и найдут способы ее преодоления; 3) создание национальной ПРО приведет к полному свертыванию процессов ограничения и сокращения вооруженных сил и вооружений, что может означать отказ от договоров о запрете ядерных испытаний, о нераспространении ядерного оружия, о режимах международного контроля за распространением

¹ Дипломатический вестник. — 2000. — № 2. — С. 3-15.

² С.Б. Иванов. О новой редакции Концепции национальной безопасности Российской Федерации. — М., 2000. — С. 3-14.

вооружений, а также, возможно, и отказ от Конвенции по запрещению химического, биологического и токсинного оружия.

В «Концепции» было отмечено, что военная политика России будет основываться на безоговорочной приверженности нормам международного права, принципам ООН и ОБСЕ и будет иметь исключительно оборонительный характер. В ней будут органически сочетаться приверженность миру и твердая решимость защитить национальные интересы и безопасность России и ее союзников. Приоритет будет отдан предупреждению войн и военных конфликтов политическими, дипломатическими, экономическими, правовыми и другими невоенными методами, а также коллективным действиям мирового сообщества в отношении предотвращения угрозы миру, нарушения мира или актов агрессии.

Наряду с использованием невоенных средств обеспечения мирного развития государства в числе важнейших задач России остается военное сдерживание агрессии любого масштаба, в том числе и ядерной. В Концепции было заявлено, что Россия продолжает рассматривать ядерное оружие как политическое средство сдерживания агрессии, но в то же время не берет на себя обязательства не применять ядерное оружие первой. (До 1993 года, когда были приняты основы Военной доктрины Российской Федерации, Россия придерживалась положения об отказе от использования ядерного оружия первой, принятого в одностороннем порядке Советским Союзом в сентябре 1982 года).

С.Б. Иванов определил включение этого положения как глубочайшую диалектику сдерживания и выделил следующие факторы, которые могут привести к применению ядерного оружия: 1) в случае, когда цели сдерживания с использованием всего комплекса невоенных средств не достигнуты; 2) Россия подверглась агрессии; 3) использование неядерных сил и средств в совокупности с невоенными средствами оказалось неэффективным и агрессию не удастся остановить. То есть применение ядерного оружия Россией может быть обусловлено наступлением определенной, критической для государства ситуации¹.

¹ Включение указанного положения, по мнению отдельных экспертов, невыгодно России. Так, А.Г. Арбатов считает, что в многополярном мире при меняющейся конфигурации сил и изменениях в ядерных арсеналах различных стран оно может поставить Россию в сложное положение в отношениях с США

Принятие Концепции национальной безопасности, а затем новой Военной доктрины Российской Федерации в апреле 2000 года, вызвало критику в США, посылались заявления о возвращении России к более агрессивной политике. При этом не упоминалось, что США и НАТО никогда не отказывались от применения ядерного оружия первыми в случае необходимости, сохраняли в своем арсенале ответных действий все доступные меры воздействия.

Для России складывалась непростая ситуация в сфере обеспечения национальной безопасности: расширение НАТО, проведенное без учета российских интересов, носило необратимый характер; осуществлялась модификация договорно-правовой базы в сфере безопасности, где на Россию оказывалось серьезное давление со стороны США; усиливалась нестабильность в соседних с Россией странах (Афганистан, Пакистан, Индия, Ирак), возросло военное могущество КНР, Японии, Индии, Ирана в условиях разрушения режима нераспространения ОМУ; имелись серьезные проблемы в создании системы коллективной безопасности со странами СНГ. В 1999 году, при решении вопроса о продлении Договора о коллективной безопасности 1992 года, Узбекистан, Азербайджан и Грузия его не подписали, что создало проблемы для России в условиях, когда Грузия и Азербайджан делали заявления о возможности размещения военных баз НАТО на своей территории; Узбекистан стремился к сотрудничеству с Западом в сфере безопасности для борьбы с исламским экстремизмом; у России оставались нерешенными территориальные проблемы с КНР и Японией; Центральноазиатский регион и Закавказье были объявлены зоной интересов США, что предполагало активную американскую политику и возможное ослабление позиций России в этих регионах.

Однако и в этих условиях Россия продолжала отстаивать отход от методов устрашения и военно-силового принуждения, осуждала военное противостояние в любых формах и заявляла о стремлении сдерживать военные угрозы преимущественно в рамках систем коллективной безопасности на региональном и глобальном уровне. Было отмечено, что стратегические силы будут поддерживаться на уровне, достаточном для сдерживания агрессии против России и для поддержания стратегической стабильно-

и НАТО, чей ядерный потенциал превосходит российский, и может спровоцировать их на массированный упреждающий удар.

сти на возможно более низком уровне вооружений. Россия не отказалась выполнить свои международные обязательства в области сокращения и ликвидации оружия массового уничтожения, обычных вооружений, укрепления мер доверия и стабильности, международного контроля за поставками военных и двойных технологий, создания зон, свободных от оружия массового уничтожения, прежде всего в сопредельных и близких к России регионах.

* * *

Прогнозы российских и американских ученых, писавших в начале 1990-х годов о том, что вследствие политики США и других ведущих мировых держав, возможна разбалансировка мира, снижение уровня международной безопасности, может появиться вероятность возникновения крупного регионального или глобального конфликта, не были абсолютно безосновательными. Наверное, нельзя утверждать, что только США были виновны в неблагоприятном развитии событий в сфере безопасности, но нельзя и отрицать того, что, взяв на себя роль мирового лидера, объявив себя «лучшей и сильнейшей страной» в мире, они не смогли предложить качественно новую модель безопасности. Критикуя институционально-правовую основу системы безопасности времен биполярности, они занялись ее избирательной модификацией: сохранили и расширили НАТО в ущерб ООН и другим структурам безопасности; отказались от существовавших подходов к контролю над вооружениями; внедрили военно-силовую модель решения международных проблем и в отношениях с отдельными странами, что не только усиливало региональную нестабильность, но и привело к разбалансировке режима нераспространения ОМУ; своими действиями способствовали усилению очага нестабильности в Юго-Восточной Европе, посеяли соперничество в отношениях между постсоветскими государствами, не решились ближневосточных проблем.

К концу XX века в России и США продолжали сохраняться разные взгляды на международную систему безопасности. В американском подходе на теоретическом уровне предпочтение отдавалось «кооперационной американоцентричной (натоцентричной)» модели, на практике закрепились американоцентричность, а кооперационный фактор оставался дискуссионным. В основе под-

хода, за который выступали Россия, Китай и ряд других региональных держав, была «коллективная полицентричная» структура, призванная обеспечить равноправное участие всех ведущих мировых держав при определении угроз и выработке политики их устранения; учет интересов всех субъектов международных отношений; сохранение и использование существующих международных и региональных организаций безопасности. Не признается право Соединенных Штатов на единоличное регулирование мирового развития и решение судьбы государств и регионов.

Характеризуя результаты российско-американского взаимодействия в сфере безопасности можно отметить следующее.

1. Получила закрепление модель отношений, при которой обе стороны отказывались от противостояния, конфронтации, отдали предпочтение дипломатическим переговорам. Президенты США и Российской Федерации заявили, что Соединенные Штаты и Россия не рассматривают друг друга в качестве врагов.

2. Каждая из сторон сохранила приверженность принципам и задачам своей политики.

США не отказались ни от одной из целей, заявленных в ходе выборов Дж. Бушем: расширение НАТО, создание НПРО, изменение подхода к сокращению СНВ, активная политика в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и на Кавказе.

Россия, когда США объявили о выходе из Договора по ПРО (13 декабря 2001 года), назвала эти действия ошибочными; подтвердила негативное отношение к расширению НАТО и объявила, что будет осуществлять политику модернизации вооружений и создания эффективной обороны, способной нейтрализовать американскую НПРО; не отказалась от политики дальнейшего сближения с Беларусью, Украиной и другими странами СНГ во всех областях включая военную.

3. Наметились возможности строительства отношений сотрудничества и взаимодействия в решении глобальных проблем безопасности, в частности в борьбе против международного терроризма.

4. Несмотря на то, что позиции России были существенно слабее, чем у США, она сохранила особое положение в концерте ведущих мировых держав мира, прежде всего благодаря статусу второй ядерной державы и высокой интеллектуальной и дипломатической активности в формировании модели международной безопасности.

Главный итог российско-американского взаимодействия в период после окончания холодной войны состоял в том, что Россия и США, несмотря на все существовавшие и остававшиеся разногласия, остались партнерами в обсуждении и решении важных международных (глобальных) проблем. И заслуга в этом принадлежала той части российской и американской политической и академической элиты, которая отстаивала важность таких отношений, корректировала самые острые противоречия, проявила трезвость и прагматизм.

В мае 2002 года в ходе официального визита президента Буша в Россию были подписаны важные документы, закрепившие новый уровень в двусторонних отношениях: Совместная декларация Президента В.В. Путина и Президента Дж. Буша о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами и Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов. В мае 2002 года был подписан и другой документ — Декларация Глав Государств и Правительств Российской Федерации и Государств — Членов НАТО, открывший новый этап взаимодействия Североатлантического альянса и России. Это не сняло существовавших противоречий, но создало условия для продолжения сотрудничества по конструированию новой международной системы безопасности, в чем Россия всегда хотела быть активным участником.

Совместные действия России и США в ходе проведения международной антитеррористической кампании позволили российским политологам и политикам заявить о начале нового этапа в российско-американских отношениях, который может завершиться закреплением модели двустороннего партнерства в рамках международной коалиции. С.М. Рогов высказал мнение, что возможности российско-американского конструктивного взаимодействия нужно воплотить в реальные механизмы сотрудничества, партнерства и союзничества. Возникла реальная перспектива кардинальной трансформации отношений между двумя державами, начала формироваться новая система международной безопасности, что создает большие возможности для укрепления позиций России на мировой арене и создания благоприятных

внешних условий для проведения реформ и возрождения российской экономической мощи¹.

Закрепление этой модели отношений между Россией и Соединенными Штатами возможно при условии, что США сделают свое лидерство действительно более «мягким» и демократическим, признают важную роль всех институтов и акторов международной системы безопасности, согласятся найти более разумное сочетание военного и дипломатического компонентов в урегулировании мировых и региональных проблем. А главное — признают, что в глобальном мире взаимозависимость и взаимная ответственность распространяются на всех, а не только на рядовых членов мирового сообщества, что все субъекты становятся одинаково уязвимыми.

Немало сделать предстоит и России.

¹ Рогов С.М. 11 сентября 2001 г.: реакция США и последствия для российско-американских отношений. — М., 2001. — С. 68.